B130 618

В130 618

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ДЕТСКИЕ ГРУППЫ

13652

ДВИН ГЕРНЛЕ

НОВАЯ МОСКВА

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ МК РЛКСМ

В130 618

ЭДВИН ГЕРНЛЕ

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ДЕТСКИЕ ГРУППЫ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

39/4
Т 85
13652

„НОВАЯ МОСКВА“
1924

ГПИБ России
10011654

Отпечатано в 3-й типогр. „Красная Пресня“ „Мосполиграф“. М. Грузинская Охотничий пер., д. № 5/7, в количестве 15.000 экземпл.
Мосгублит № 15.096.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОГАШЕНО
741506

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Полное отсутствие литературы по детскому коммунистическому движению заставило Издательство „Новая Москва“ по предложению Московского Бюро Юных Пионеров издать книжку т. Гернле пока единственное произведение, – теоретически обобщающее коммунистическую работу среди детей.

Мы вынуждены были переиздать разошедшееся, в весьма короткий срок, издание ЦК КСМУ и журнала „Путь Просвещения“.

Издательство.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Детское коммунистическое движение растет и вширь и вглубь. Оно охватывает все большие и большие кадры пролетарских детей. Оно уже проникает и в крестьянскую гущу.

Одновременно с сильным количественным ростом организаций, идет серьезнейшая повседневная работа. Работа становится все сложней и трудней.

Если в первый организационный период было достаточно одного настроения ребят, их горячего желания стать пионерами и энтузиазма, любви к делу со стороны комсомольцев, то теперь работа становится трудней. Для того, чтобы закрепить сделанное начало, для того, чтобы собранная хорошо группа ребят (отряд, звено) не распалась, необходим разнообразнейший материал. Чтобы не загубить хорошего начала, нужно подытожить, обдумать хорошенько весь имеющийся опыт в этой области, изучить его.

В этом отношении книга Э. Гернле, одного из виднейших членов Германской Коммунистичеекой партии, ближайшего руководителя детской коммунистической организации Германии, является чрезвычайно ценной. Книжка Эдвина Гернле является

единственной книжкой, дающей теоретическое обоснование детского коммунистического движения. Автор, счастливо сочетающий в своем лице и коммуниста и педагога, дает в своей книжке основы коммунистической педагогики и разоблачает всю лживость мелко-буржуазной реформистской педагогики, „которая верит в возможность вырвать пролетарского ребенка из разорванного на части общества... и перенести его в мирную обстановку беззаботного существования, где нет ни политики, ни классовой борьбы".

Книжка тов. Гернле написана 2 года тому назад. Поэтому целый ряд вопросов, которые тогда были актуальными, сейчас уже не вызывают такого животрепещущего интереса. Но от этого книжка ничего не теряет. Для правильного ведения нашей дальнейшей работы нам очень полезно изучить прошедший опыт, особенно при молодости нашей организации, нашей работы.

Тов. Гернле работал и работает в Германии. Его книжка целиком основана на опыте Германской детской коммунистической работы.

От этого, нам думается, тоже не теряется ценность этой книги для наших русских товарищей, для работников Российской организации. Конечно, нельзя механически перенести опыт из германской обстановки в российскую. Но при этом учете разницы в обстановке, в условиях жизни пролетарских детей, в опыте работы деткомгрупп в Германии — есть чему поучиться.

Без изучения опыта заграничных организаций, в частности Германии, где впервые зародилось детское Коммунистическое движение, нельзя сколько-нибудь серьезно поставить свою работу.

В этом смысле книжка т. Э. Гернле является для нас чрезвычайно полезной.

Еще один момент. В качестве руководителей отрядов юных пионеров выдвигаются новые кадры молодых комсомольцев и комсомолок. Они являются командным составом детского движения. О них наша первая забота. Они имеют хорошее пролетарское коммунистическое чутье. Они преданы своему делу. Но у них нет ни специальных знаний в этой области, ни опыта. Налаживание издания книги, журналов именно для этого кадра работников является насущнейшей потребностью.

Книжка тов. Гернле является одним из ближайших помощников нового работника.

Московское Бюро поэтому считает необходимым срочный выпуск нового издания книжки Э. Гернле, которой уже давно абсолютно нет на книжном рынке.

Моск. Бюро Юных Пионеров.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ [1]).

Эта книга обладает ценностью не только в области работы в детских группах, но в особенности для нашей Российской организации КСМ, для которой вопросы воспитания и образования являются основными вопросами движения.

Мы отметим факт, что возникновение первых организаций рабочей молодежи в Германии относятся к 1903 г. и насчитывает таким образом десятилетие своего существования. Наши Российские организации появляются лишь с 16—17 года и насчитывают, таким образом, только пять-шесть лет. Несмотря на то, что Российская организация еще с 1920 года начала обсуждение вопроса о работе среди детей, и 3, 4 и 5 Всероссийские С'езды РКСМ выносили резолюции по этому вопросу, фактически работа началась только с конца 1922 года. В Германии же начало работы в детских группах относится к 1920 г. и насчитывает 3 года своего существования.

---

[1]) Вместо предисловия мы помещаем прекрасную рецензию т. Биоза о книжке Гернле, сделанную в журнале „Наша Работа" № 3, за 1923 г.

Это опоздание нашей организации в работе с детьми, помимо об'ективных условий, об'ясняется еще тем, что наши товарищи, которым поручали эту работу, „обольстились", как выражается Эдвин Гернле, „с фразами о коммунистических детских очагах". Работу среди детей они заменили работой в детских домах и очагах. И в этом было „нечто от ложной романтики".

„Ложной является мысль об образцовых учреждениях для воспитания пролетарского сознания, так как революционные бойцы не могут быть воспитаны обособлено от арены пролетарской борьбы.

... „Трудовое воспитание и имеет в основе не ручную работу прежде всего, а боевую работу" (курсив наш).

Приведенные выдержки Гернле формулируют то положение, что школа для детей с 8 лет до 14 так же, как с 14 до 18 лет, является не местом учебы или трудовых процессов или самоуправления, как такового, а прежде всего формой оранизации детей. На языке нашей организации это означает, что школы для детей от 8—14 лет мы только тогда с'умеем сформировать и осознать, когда поведем широкую работу в детских группах.

Теоретически это формулируется: „что только через детское движение создается школа для детей".

Тут полная аналогия с историей Фабзавуча.

„Мы отклоняем всякие попытки передать пролетарского ребенка из реальной обстановки его пролетарского существования в искусственную детскую коммуну". Пусть наша общественная жизнь не организована, пусть в ней хаос, — но эта наша жизнь, жизнь нашего Советского общества, и мы не должны уходить от нее. Только живя в ней, мы сумеем изменить его.

„Жизнь школы не заменит школы жизни" (из докл. „К Орган. ЦД"). Только при понимании и проведении того принципа, что школа есть форма организации соответствующих возрастных групп, мы подходим, действительно, вплотную к созданию школы, связанной с жизнью.

Даже очень преданные коммунистическому воспитанию педагоги говорят о необходимости всестороннего воспитания, необходимости знания литературы, всех видов искусства.

„Жажда красоты может влиять на ребенка реакционно. Сколько молодых одаренных пролетариев эта жажда красоты толкнула не в ряды их классовых товарищей, где вообще немного эстетики, но в руки и на службу буржуазии".

Для нас важно не пробуждение какой-то „неопределенной" тоски по красоте и счастью, мы стремимся вызвать вполне определенную жажду к общей красоте, к общему счастью, связанную с твердым желанием завоевать общее счастье в упорной борьбе. Увлекательной целью,

которую мы показываем детям, является не красота, а прежде всего хлеб для всех, работа для всех...

Посмотрим теперь, как формулирует задачи воспитания Эдвин Гернле. Революционер — он с достаточной беспощадностью разделывается со всякой социал-реформисткой, или, как мы называем, интеллигентской педагогической стряпней. „Всякое воспитание есть только подготовка ребенка к его общественным функциям. В классовом обществе это обстоятельство выдвигает необходимость подготовки ребенка к его классовым функциям".

Наша задача заключается в том, чтобы сделать для пролетарского ребенка борьбу его класса переживанием.

Мы остановились исключительно на общей теоретической и принципиальной части книги, между тем как изложению практической непосредственной работы с детьми посвящена большая часть книги. К этому побуждает нас, с одной стороны, характер журнала, с другой стороны, дальнейшее изложение завело бы нас слишком далеко и в смысле размера статьи и сложности затрагиваемых вопросов.

В заключение нужно пожелать, чтобы Московск. Комитет считал обязательным для каждого активного работника серьезное знакомство с этой книгой и обратил бы большее внимание, чем это сейчас делается, на детское движение, так как судьбы школы Фабзавуча (как это ни покажется странным на первый взгляд) целиком будут зависеть от детского движения.

Биоз.

Но, говорите вы, мы уничтожаем самые дорогие для людей отношения тем, что мы хотим заменить домашнее воспитание общественным. А разве ваше воспитание не определяется также обществом? Общественными отношениями, в которых дается это воспитание, прямым или косвенным вмешательством общества, путем школы и т. п.? Не коммунисты выдумали влияние общества на воспитание; они только изменяют его характер, они освобождают от влияния господствующего класса.

Буржуазная фразеология насчет семьи и воспитания, нежных отношений между родителями и детьми, становится тем более тошнотворной, чем более ход развития крупной промышленности разрывает в сердце пролетариата все семейные связи и превращает детей в простой товар и орудие труда...

... Коммунисты считают позорным скрывать свои воззрения и свои намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного низвержения всего существующего общественного строя. Пусть дрожат господствующие классы перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир.

Пролетарии всех стран, об'единяйтесь!

Коммунистический манифест.

A. Организация группы.

I. Реформистское и коммунистическое воспитание. Наша цель.

Когда мы в 1920 г. приступили к устройству коммунистических детских групп, мы не долго ломали себе голову над вопросом о педагогических методах предстоящей работы. Вместо теоретических дискуссий, мы подошли к решению нашей задачи чисто практически. Для нас были ясны необходимость и цель работы; этого было достаточно. Мы знали, что методика работы выясняется в процессе работы.

Уже тогда для нас было ясно основное положение нашей работы, долженствовавшей *связать ребенка с борьбой и работой его класса*, т.-е. для нас было ясно, что революционно-пролетарское воспитание должно быть не односторонне интеллектуальным, но практическим, и не нейтральным, а политическим. Наши тогдашние руководящие положения требовали разрыва с обычной буржуазной педагогикой (авторитарная школа учебы), а также с мелко-буржуазной реформистской педагогикой, которая верит в возможность вырвать пролетарского ре-

бенка из разорванного на части классового общества, из острой экономической и политической борьбы и перенести его в мирную обстановку беззаботного существования, где нет ни политики, ни классовой борьбы и где можно вести беспартийную, т.-е. бесцветную, воспитательную работу.

Наша линия обозначала также разрыв с тем представлением, что ребенок состоит из суммы врожденных способностей и склонностей, которые нужно только растить и развивать, чтобы воспитать „хорошего и свободного человека", остерегаясь при этом перенести на ребенка взгляды и стремления взрослых.

В противоположность этому, мы говорим: пролетарское дитя уже теперь прекрасно может участвовать в борьбе своего класса, хотя бы потому, что оно принимает участие в его страданиях. Ведь всякое воспитание есть только подготовка ребенка к его общественным функциям, и таковым оно является в тем большей степени, чем большие успехи делает обобществление процесса производства индивидуума. Независимо от общества он не существует. В классовом обществе это обстоятельство выдвигает необходимость подготовки ребенка к его классовым функциям. Буржуазное воспитание готовит из пролетарского ребенка наемного раба, военное орудие и политического подданного; пролетариат должен готовить своих детей для роли революционных классовых бойцов, строителей и защитников социалистического будущего.

Лозунг аполитического, беспартийного воспитания на самом деле только прикрывает воспитание в смысле мелко-буржуазного реформизма, только отклоняет пролетариат от его задачи, заключающейся в революционной борьбе всеми пригодными средствами за воспитание и школу для своих детей. Обязанность пролетарского класса состоит не только в охране своих детей от телесных и духовных бедствий и реакционного отравления, не только в борьбе за своих детей, но и в тщательной подготовке их для этой борьбы, а такая подготовка достигается не только просвещением, но практическим действием, соединенным с просвещением.

Таким образом, наша задача заключается в том, чтобы сделать для пролетарского ребенка борьбу его класса переживанием. С точки зрения методики нашего воспитания это значит: революционный класс видит в ребенке не только об'ект воспитания, но одновременно об'ект и суб'ект. Наше воспитание столько же исходит „от ребенка", говоря словами педагогов-реформистов, сколько и „от класса". Тем утопистам, которые честно скорбят по поводу „насилия" взрослых над ребенком, мы отвечаем: разве вы не видите, что вся школа буржуазного государства, все частные педагогические учреждения буржуазии являются только орудием власти господствующего класса над революционным пролетариатом? разве вы не видите, что и лозунг аполитичной педагогики является только политическим средством для буржуазии: прикрыть ее собственное классовое воспита-

ние, больше того, — выставить его единственно возможным, единственно „научным“ и поэтому общеобязательным? Угнетенный пролетариат не может выступить против этого организованного классового воспитания буржуазии с бесцветной „нейтральной“ организацией воспитания; напротив, он должен стремиться единственно и исключительно к сознательному и планомерному пролетарскому классовому воспитанию в интересах борьбы и проникновения целями революционного пролетариата. Все это тем более возможно, что, ведь, не существует никаких противоречий между интересами пролетарского ребенка и интересами борющегося пролетариата; наоборот, только социалистическое общество делает возможным действительно свободное и всестороннее развитие человеческой природы.

Итак, наше основное положение: никакого механического восприятия учений ни буржуазных педагогов-реформистов, ни великих классиков научной педагогики, Фребеля или Песталоцци, — сознательное преодоление буржуазной ступени. Подобно тому, как буржуазное воспитание имеет свои особые обусловленные производственными отношениями законы (см. Экспериментальная психология, как педагогическое средство, и методы Монтессори), так и пролетарская педагогика обладает своей собственной закономерностью. Три точки зрения имеют для нас руководящее значение. Наша работа в детских группах есть воспитание:

а) Творческой инициативы — самопомощь и активность ребенка в противоположность притупляющему влиянию бедности и наемного рабства, механической дрессировке и пассивному интеллектуализму, вербализму буржуазной школьной учебы. Не опека детей, а детское движение.

б) Коллективного труда — самоуправление, взаимопомощь, трудовая община, в противоположность искусственно атомизирующим детскую общину методам буржуазной народной школы и анархическому эгоизму в буржуазной предпринимательской и семейной жизни.

в) Революционного настроения — пробуждение коммунистического настроения, самоотверженности, воли к пропаганде и к оппозиции против всякого угнетения — исходит ли оно от буржуазной школы, церкви, власти мелкобуржуазных родителей или заключается в нравах. Прикладная пролетарская классовая этика, в противоположность буржуазному моральному и религиозному обучению.

Эти три элемента составляют нераздельное, органическое единство. Подобно тому, как пролетариат превращаетея из класса борющегося в класс созидающий, так и в нашем воспитании рядом с боевой готовностью выступает производительная работа ребенка.

Само собой разумеется, подобное воспитание должно находиться в руках наиболее прогрессивной, наиболее революционной части пролетариата, т.-е. в боевых коммунистических организациях.

II. Иллюзии и ошибки.

Основных положений достаточно для начала работы, но их недостаточно для продолжения, углубления и расширения дела. Мы должны уяснить себе методы нашей работы в деталях. Позади нас уже $1^1/_2$ года, в течение которых мы пытались итти по намеченной линии. Нам необходимо исследовать, правильно ли шла работа или нет; нужно устранить недостатки и ошибки, проверить опыт, собрать и восполнить пригодные результаты. Таким образом, мы строим методику нашей работы не на общих соображениях, мы подвигаемся эмпирически, т.-е. на основе фактов опыта.

Что же говорит наш опыт? прежде всего — наша линия была правильна: пролетарский ребенок может бороться и хочет бороться. Однако, в вопросе: как нужно вести эту борьбу, в каком об'еме, в каких областях, до какой степени, какими средствами, с чьей помощью, внутри каких организаций, существует ряд противоречий и неясностей, которые необходимо устранить, на которые надо дать совершенно определенные ответы. Ошибки, которые до сих пор делались, по большей части об'ясняются тем, что наши руководители групп и их помощники, вопреки принципиальной точке зрения, еще не были вполне свободны от реформистских умонастроений или очень мало считались с естественными слабостями и особенностями детской природы в своем стремлении вос-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

питать революционных бойцов. Другой ошибкой было кружковое, сектантское настроение некоторых товарищей, чрезмерно выделяющих коммунистические детские группы из массы пролетарских детей и тем изолировавших их, вместо того, чтобы толкать организованных детей к работе в массах.

Особенно опасной нам представляется всякого рода педагогическая романтика. Мы отклоняем всякие попытки передать пролетарского ребенка из реальной обстановки его пролетарского существования в искусственную детскую коммуну. Существуют различные виды этой педагогической романтики — и реформистская, и радикальная. Сама собой очевидна ошибочность мелко-буржуазной реформистской романтики, которая хочет освободить пролетарского ребенка внутри буржуазного общества от трудностей и бедности, опасностей и влияний пролетарского существования. Этот метод нашел свое классическое выражение в австрийских организациях друзей ребенка, которые мечтают воспитать новое свободное общество, уже теперь провести до известной степени „социалистическое воспитание“ устройством очагов, каникулярных колоний, детских библиотек, ознакомлением детей с ручным трудом, изящной литературой, путешествиями, играми и эстетическими удовольствиями. Друзья детей поддаются иллюзии, будто одно воспитание в состоянии создать социалистическое поколение рабочих, как-будто пролетариат может со своими слабыми средствами в капиталистическом государстве уже теперь создать постоянные

очаги и школы для широких масс своих голодающих, несчастных, невежественных и беспризорных детей. На деле эта иллюзия приводит к тому, что пролетариат, вместо энергичной борьбы против своих угнетателей за тело и дух своих детей, довольствуется жалкими и ничтожными крохами, которые в конечном счете облегчают буржуазии полное пренебрежение делом организации государственного воспитания для пролетариата. В программе „Организации родителей социалистических детских групп Швейцарии“ можно легко заметить влияние мелкобуржуазного социалистического движения друзей ребенка, несмотря на революционную этикетку, на которой обозначено: „воспитание для классовой борьбы“.

Другая романтическая ошибка, в которую впадают вообще сознательные революционеры, заключается в статье одного русского товарища в № 5 „Пролетарского ребенка“: автор хотел бы всю работу детских групп организовать как „длительную игру“, на подобие известного „бойскаутского“ движения. Для подобной практики нашли теорию в верном по существу наблюдении, что ребенок не только биологически, т.-е. как живое существо, пробегает ранние стадии развития человечества (эмбрион в теле матери), но что он, как общественное существо, также повторяет в сокращенной форме ранние общественные состояния человечества, напр., в детском возрасте период образования стад (орд) и бродячего охотника.

Теоретики этого красного скаутизма забывают только одно, что этот филогенетический основной закон с течением времени изменяется и как раз изменяется теми общественными отношениями, среди которых ребенок растет, в нашем случае — классовой средой пролетариата и крупно-капиталистического общества. Инстинктивное стремление к бродячей охоте и образованию орд у пролетарского ребенка выветривается и видоизменяется, благодаря необходимости жить в большом городе капиталистической эпохи и участвовать в страданиях, заботах, трудах пролетарского добывания куска хлеба и домашнего хозяйства. Мы не хотим и не можем оторвать пролетарского ребенка от окружающего его мира, ибо он как раз должен учиться изменить его, борясь внутри этого мира. Наши дети должны подражать не борьбе и производственным отношениям первобытного человечества, они должны учиться вести действительную современную борьбу с современными врагами и в современных жизненных условиях. Мы используем стадные инстинкты мальчика в интересах солидарной борьбы и коллективной работы нашей группы, мы сознательно направим его стремление к героизму, к современным целям, мы выведем детей не только в лес и поле, но также в мир крупной промышленности и современного массового оборота, и здесь укажем им на новые задачи. Это значит, что мы кое-в-чем поучимся у скаутизма, но сделать его основой нашей работы мы не можем. Наша работа слишком велика

и многообразна, чтобы можно было ограничиться какой-нибудь одной формой.

Отклонением детей от их подлинных задач является практикующаяся в некоторых кругах игра в парламент. Есть товарищи, усматривающие воспитание к революционной деятельности в механическом обезьяничаньи ведения дел в буржуазных парламентах, в организаторских учреждениях партии, в усвоении техники ведения собраний и в подобных формальных вещах. Нет ничего более ложного, чем это представление. Даже буржуазная педагогика отвергает игру в парламент уж просто потому, что здоровая и подвижная мысль детей очень скоро возмущается против такого пустого формализма. С нашей же точки зрения к этому нужно прибавить еще то, что в парламенте деловой практики явно чувствуется типичный буржуазный дух, характерное разделение законодательства и исполнения, руководства и осуществления, мышления и действия. Для нас „регламент“ является только средством болезненного разрешения дел. Мы вовсе не стремимся к воспитанию виртуозов регламентской техники: это нас чаще поражает в лице некоторых партийных или профессиональных вождей, чем удивляет. Таким образом, организационная техника — постольку, поскольку она нужна для работы детей и регулирования их групповой жизни. Собственно воспитательное значение имеет не форма, а содержание нашей групповой жизни.

Коммунистические детские очаги! И эти слова обольщают некоторых товарищей. И здесь есть нечто от ложной романтики. Воспитание в очагах в крупном масштабе есть проблема пролетарской диктатуры. Ложной является и мысль об образцовых учреждениях для воспитания классового пролетарского сознания, так как революционные бойцы не могут быть воспитаны обособленно от арены пролетарской борьбы. Непригодны подобные учреждения для образования руководителей групп, так как трудовое воспитание наших детей в детских группах имеет в основе не ручную работу прежде всего, а боевую работу; групповые руководители и помощники могут собрать и использовать детский опыт только в повседневной борьбе и при повседневной пропаганде в детских группах.

Ошибочно думать, что обучение ручной работе, пусть даже коллективной ручной работе, уже само по себе революционизирует мысль и действия ребенка. И эту ошибку мы находим в программе швейцарской родительской организации. Коллективная работа только тогда революционно воспитывает, когда она совершается в интересах борьбы, задачи которой дети вполне сознают. На этом основании различается трудовая школа пролетарской диктатуры от трудовой школы буржуазных и социалистических педагогов-реформистов: труд является одновременно введением в общественное производство и в задачи управления и защиты пролетарского государства.

Также не пригодно для революционного воспитания и чтение красивых сказок ради пробуждения стремления к прекрасному: это отголосок реформаторско-педагогического направления эстетического воспитания. Жажда красоты может влиять на ребенка даже очень реакционно, если она увлекает все его мысли на пассивное наслаждение и на формальное художественное производство, особенно если красота является ему в форме замков, бургов, принцев и принцесс, карет и золотых блюд, встречающихся обычно в народных сказках, или в форме буржуазных картин, поэзии, музыки с их типичным буржуазным содержанием, с их буржуазными настроениями. Сколько молодых, одаренных пролетариев эта „жажда красоты“ толкнула не в ряды их классовых товарищей — где, вообще, не много эстетики, — но в руки и на службу буржуазии или дворянства. Для нас важно не пробуждение какой-то „неопределенной“ тоски по красоте и счастью, мы стремимся вызвать вполне определенную жажду к общей красоте, к общему счастью для всех пролетариев, связанную с твердым желанием завоевать это общее счастье в упорной борьбе на стороне классовых товарищей. Увлекательной целью, которую мы показываем детям, является не „красота“, а прежде всего хлеб для всех, работа для всех, бесклассовое общество и в связи с этим — новая красота.

Дальнейшая ошибка заключается в одностороннем учительстве, в представлении, что коммунизму можно научить. Пролетарские воскресные школы в Англии

впали в эту ошибку. Здесь слишком усердно копируются формы англиканского церковного обучения катехизису. Вместо христианских, здесь обучают революционным догматам. Ребенок получает готовую пищу, продукт исследования вместо элементов исследования. Им не руководят в самостоятельной выработке своих взглядов, знания не становятся убеждениями. И в Германии есть опасность, что товарищи, особенно групповые руководители из рядов партии, сочтут возможным, путем так называемого „морального обучения", детей, освобожденных от уроков закона божия, „научить" революционному миросозерцанию, пролетарскому классовому чувству. Эти товарищи еще не освободились от воззрений государственной школы-учебы. Разумеется, некоторое обучение необходимо и в детских группах. Однако, оно должно преподноситься не в форме „морального обучения", а как введение в историю и идеологию рабочего движения, в развитие человеческого общества, земли и ее обитателей. Самое же главное: это преподавание может быть тогда плодотворным, когда оно находится в самой тесной органической связи с работой и борьбой наличных коммунистических детских групп, или, где их не имеется, если оно расширяется до практической работы детских групп или, — поскольку речь идет о старших классах, — если оно связано с участием детей в учреждениях, демонстрациях, кампаниях или вербовке коммунистических юношеских организаций. Совершенно бесполезно, даже вредно, пытаться вести подобное

преподавание в „беспартийном“ духе, как рекомендуют пролетарские свободомыслящие, светские школьные общества и т. п. Преподавание должно непременно оставаться в руках коммунистических боевых организаций (юношеских или партийных).

Всякий шаг, который делает мыслящий пролетарский ребенок, заставляет его стать на ту или другую сторону. Как можно, напр., рассказать ему о Либкхнете и Люксембург, не заклеймив Носке или социал-демократию, и как можно ему рассказывать историю немецкого рабочего движения, не вспоминая о Либкнехте или Розе Люксембург, о тысячах жертв пролетарской революции и роли социалистических министров, полицей-президентов и т. п.? Введение в историю рабочего движения должно начаться рабочим движением в том месте, округе или провинции, где живет пролетарский ребенок и его родители.

Может ли учитель дать практический жизненный совет пролетарскому ребенку, не сказав, как должен вести себя боец революционного класса во время экономической или политической стачки? не сказав, как он должен вести себя в качестве ученика, как он должен относиться в качестве будущего „гражданина“ к демократической республике, ее властям и учреждениям? Мы подчеркиваем: можно воспитывать или в коммунистическом или в реформистском духе, но не в бесцветном „пролетарском“.

Свободомыслящие или свободные школьные общества, чаще всего, ограничивают их „борьбу“ или суррогат действительной борьбы односторонними

нападками на христианскую церковь и идеологию Они не осмеливаются воспитывать пролетарски или социалистически, их лозунг „светское воспитание". Что это значит? Они хотели бы вырвать с корнем религиозную идеологию без одновременного ниспровержения тех общественных условий, которые ее породили; они хотели бы отнять у поповства силу, не колебля в то же время ее основ — буржуазного класса и буржуазного государства. Они даже не решаются вообще выступить серьезно против религии. На место старых, более грубых представлений о боге и мире, они ставят более тонкое, напр., понятие развития. Эта „свободно-религиозная" подделка не менее опасна, чем чисто теологическая; она пасифична и ведет на практике к реформизму, к политике коалиций, к соглашательству рабочих с предпринимателями.

Для нас должно быть ясным: борьбу против церкви и религиозной идеологии можно вести только на основе экономической и политической борьбы против буржуазного строя, так как религия есть лишь идеологическое отражение и дополнение существующих противоречий, стеснений, кризисов и войн, бедствий и нищеты, беспомощными жертвами которых является подавляющее большинство современного человечества. Религия, а с нею поповство, теряют почву в широких массах только благодаря убеждению, что из этого хаоса имеется выход, что человек сам может стать господином своей судьбы, сделавшись господином своего хозяйства, и что пролета-

риат призван в борьбе завоевать этот новый строй. Только борьба удалит из сердец религиозную потребность и на ее место поставит мирское стремление к власти и созданию социализма.

Таким образом, просвещение пролетарского ребенка относительно религии и церкви можно предпринимать только как часть просвещения относительно наличного классового общества, его государства, его хозяйства и относительно способов преодоления этого строя высшим социалистическим. Больше того! Это просвещение бесполезно без одновременного введения ребенка в практическую классовую борьбу, потому что только она „устраняет" религию в гегелевско-марксовом смысле, т.-е. лучше удовлетворяет те потребности, которые в современных условиях приводят к религии и к подчинению церкви. Социализм и борьба за него явятся для пролетария более мощным источником под'ема сил, радости, утешения и внутреннего мира, чем какая бы то ни было религия или философия. Разрешение „мировых загадок", путь к истине, есть вопрос не теоретической дискуссии, а революционной практики. Христианская иллюзия спасения может быть уничтожена только делом спасения, которое совершит освобождающий все производительные силы победоносный пролетариат.

III. Рабочий—ребенок и рабочий—воспитатель.

Мы наметили цель, исходя из которой определили нашу работу, мы отклонили неправильные пути. Теперь мы должны выяснить положительное содер-

жание нашего революционно-пролетарского классового воспитания и именно в период перед завоеванием власти. Ведь можно под лозунгом: пролетарское или коммунистическое воспитание — делать грубейшие ошибки, которые действительно кое-где совершались, так как не принимали во внимание, что воспитание пролетарских детей, кроме цели, зависит еще от другого великого фактора, природы дитяти. Воспитателю приходится иметь дело с живою материей. Всякий ремесленник, всякий художник должен предварительно изучать обрабатываемый материал, должен применяться к нему, чтобы придать ему определенную форму, — тем более воспитатель, который имеет дело с живыми людьми, и особенно коммунистический воспитатель, который работает без всяких внешних принудительных средств, которому как раз важно пробудить в ребенке все его силы.

Но ребенок растет не в безвоздушном пространстве. Он растет среди определенных общественных отношений, которые влияют на его природу и изменяют ее. Пролетарское дитя не то, что буржуазное. Буржуазное исследование юношества сознательно упускает из виду этот факт, для нас же он имеет величайшее значение.

Точно так же и воспитатель действует среди наличных общественных отношений, которые определяют его педагогические воззрения, методы и возможности. Пролетарский воспитатель отличается от буржуазного воспитателя своим классовым положе-

нием, образованием, миросозерцанием и связью с пролетарским ребенком. Это обстоятельство значительно облегчает ему понимание пролетарского ребенка и отказ от внешнего авторитета и принудительных средств. Задача буржуазного преподавателя заключается в том, чтобы навязать пролетарскому ребенку идеологию, противоречащую его классовым интересам и его ежедневному опыту, тогда как пролетарский учитель только помогает ребенку собрать, восполнить и формулировать его собственный опыт. Нет никакого противоречия между интересами взрослых пролетариев и пролетарских детей. Поэтому мы можем с легким сердцем отказаться от научно-образованных специалистов-педагогов и передать воспитание молодым, еще не вышколенным рабочим и работницам.

Кто же должен быть этим воспитателем? По буржуазному представлению, родители являются естественными воспитателями. Для буржуазной семьи это может казаться правильным. В пролетарской семье — воспитательная деятельность родителей крайне незначительна по двум причинам: во-первых, капитализм разлагает пролетарскую семью, принуждая отца и мать работать ради заработка, и уничтожает семью как хозяйственную общину. Пролетарская семья в настоящее время является учреждением лишь для совместного проживания, сна и еды. Во-вторых, в большинстве случаев пролетарские родители не обладают ни духовными, ни нравственными данными, необходимыми для ведения планомерного воспитания

своих детей. Наемное рабство в предприятии, вечная забота о житейских нуждах, вся суета и калейдоскопичность городской жизни не оставляют им ни времени, ни охоты вести серьезную воспитательную работу. Совершенно бесполезно писать прекраснейшие книги о пролетарском домашнем воспитании, так как никакой домашней жизни у пролетариата нет. Шесть дней в неделю и по крайней мере 10 часов ежедневно ребенок рабочего предоставлен самому себе, улице, школе и всем, не поддающимся контролю, влияниям беспорядочной обстановки. Кроме того, революционное воспитание, т.-е. воспитание для классовой борьбы, для классовой солидарности, для коллективного труда, просто невозможно внутри семьи, поскольку она еще существует. Новая воспитательная община пролетариата находится вне семьи и над семьей. Руководство ею не может принадлежать родительской организации, так как решающее значение имеет не естественное родство, а положение в классовой борьбе. Пролетарские родители могут участвовать в работе детских групп рядом с не-родителями, но уже не в качестве родителей, а как борющиеся пролетарии.

Таким образом, воспитателями в наших коммунистических детских группах являются простые пролетарии, к тому же еще молодые, сами еще переживающие болезнь телесного и духовного роста. Они выходят из тех же социальных и духовных глубин, как и дети рабочих, они еще сами борются за самостоятельное миросозерцание, они не только лишены

педагогической подготовки, но часто вообще не имеют какого-нибудь „порядочного“ воспитания и школьного образования. Вот с этими юными пролетариями мы надеемся одолеть всю буржуазную педагогику и предпринять борьбу за трудовую и общественную школу в самой школе.

Мы проявляем неслыханную смелость, какою обладает только класс, стремящийся к высшим целям, только пролетариат, только партия, идущая во главе этого класса и знающая не только цель, но и путь.

Можно понять возмущение всякого приличного буржуазного школьного деятеля, когда он слышит, что мы „отдаем“ „бедных, ничего не подозревающих“ детей зеленым, неопытным юношам или полувзрослым фабричным девушкам — вместо того, чтобы вручить их его заботливому и „педологически“ вышколенному попечению. Однако, у нас имеются хорошие основания не делать так. И мы по опыту знаем, что, несмотря на все свои недостатки, наши юные пролетарские педагоги не только справляются со своим делом, но оправдывают те ожидания, которые на них возлагались.

Сначала к нам относились с недоверием даже взрослые партийные товарищи. Теперь мы приобрели доверие рабочих за пределами партии. Растет новая педагогика и новый штаб педагогов. Педагогика, которая: а) направляется целями пролетарского класса, борьбой за коммунизм; б) основывается на внимательном отношении к детской природе и ее развитию.

IV. Природа пролетарского ребенка.

Рассмотрим природу ребенка. Здесь уже кое-что сделала буржуазная педагогика и психология. Мы знаем, что ребенок вовсе не „маленький взрослый", но совершенно отличное от взрослого существо, которое, однако, непрерывно изменяется в направлении к взрослому. Поэтому нельзя говорить о природе ребенка, как о прочно установленной схеме. Природа ребенка характеризуется непрерывным течением, процессом телесного и духовного развития. Как раз это обстоятельство не допускает приравнения его к взрослому.

Мы не можем заставить тело, органы которого еще нежны, неразвиты, быстро растут, часами сидеть на одном и том же месте, часами выполнять определенную, однообразную работу. Как раз в этом состоит педагогическое преступление государственной школы-учебы, принуждающей ребенка сидеть в предписанной позе, мучиться каллиграфическими упражнениями в таком возрасте, когда свободная подвижность, смена впечатлений, веселая игра являются естественной необходимостью. Пощупайте у ребенка пульс. Почему он бьется быстрее, чем у взрослого? Просто потому, что ребенок преодолевает огромную внутреннюю работу, работу роста, непрестанного увеличения и укрепления клеточной ткани всех органов — от мозга до костяка.

Такой же пыткой для ребенка является часовое напряжение его внимания, поддерживаемое страхом

наказания. Ребенок не может быть долго внимательным. У него имеются более важные дела, чем учить слова, составлять предложения, запоминать таблицу умножения. Он должен воспринять целый мир впечатлений, создать целый мир представлений, установить ассоциации идей, запечатлеть их в своей памяти, воспроизводить, исправлять и дополнять созданные комплексы идей. Наши мудрые школьные учителя не подозревают огромной душевной работы, которую совершает „ленивый“ ребенок, когда он „рассеянно“ смотрит в окно, следит за мухой на пенале, а не за указкой учителя на карте. Наши школьные учителя не знают, какими палачами они являются, когда, следуя своим инструкциям, требуют от ребенка „сидеть спокойно“, „слушать внимательно“, принуждают его механически повторять сказанные предложения, когда они недовольны, что он „проспал“. Всякий врач по нервным и детским болезням знает в настоящее время, какой часто неисцелимый вред приносит система школьной учебы нервной системе, костяку, внутренним органам ребенка; и всякий революционер-пролетарий должен знать, что только корыстные расчеты буржуазии удерживают систему обучения, которую уже давно заклеймила даже буржуазная наука и которая является пыткой для учащих и учащихся и поэтому, по своим результатам, может быть сравнена с примитивными формами хищничества.

К сожалению, большинство пролетарских роди-

телей не имеет никакого представления об этих фактах. Точно так же, как учителя в школе, они нелепо распоряжаются своими детьми и наказывают „непослушного“ ребенка, не отдавая себе отчета в том, что, так называемые, „непослушные“ дети являются здоровой реакцией детской природы против совершаемого над нею общественного гнета. Не дитя „непослушно“, но общество и воспитатель требуют от него неестественного. Все это руководитель детской группы должен принять во внимание когда он остановится на проблеме „порядка в детской группе“. Как раз наиболее дикие, „самые непослушные“, по господствующему словоупотреблению, юноши оказываются наиболее жизнеспособными, следовательно, подающими наибольшие надежды. И как раз девочки, которых принято называть: чистые „мальчишки“, — являются для нас хорошим „человеческим материалом“. „Тебе хорошо говорить“, может сказать замученная хозяйка или сделавшийся нервным от шума сотни детей групповой руководитель: „теснота помещения, недостаток в помощниках вынуждают нас требовать от ребенка спокойствия. Если дети шумны и необузданы, мы можем потерять квартиру, что зимой обозначает прекращение работы“. Этих трудностей нельзя преуменьшать, они вытекают из отношений буржуазного строя, из бедности и зависимости пролетариата. Именно поэтому мы и требуем, чтобы наши руководители детских групп и их помощники были не тотько „воспитателями“, но прежде всего революционными борцами, которые могли бы сказать

детям, откуда возникают эти трудности, могли бы воодушевить их для борьбы против угнетения. Тема: почему мы должны сидеть спокойно? — может оказаться прекрасным средством для пробуждения в детях революционного настроения и революционной воли и в то же время для практического, без принуждения, установления спокойствия, просто путем привлечения внимания и пробуждения чувства революционной дисциплины.

V. Возрастные ступени.

Внутри детского возраста различаются еще особые периоды, которые, разумеется, в действительности незаметно переходят один в другой, и у одного ребенка, в зависимости от расы, общественной среды и т. п., проходят быстрее, у другого — медленнее; у девочек проявляются в одной форме, у мальчиков — в другой. Оставляя в стороне младенцев, для нашей цели можно в грубых чертах наметить три группы. Ребенок так-называемого дошкольного возраста, до смены зубов (7—9 лет), собственно детский возраст — между 9 и 12 годами, и возраст начинающейся половой зрелости — от 12 до 15 лет. В большом городе приведенные цифры нужно, в среднем, понизить — сравнительно с маленьким городом, у ребенка, живущего в семье — повысить, сравнительно с детьми, предоставленными улице.

а) Ребенок до школьного возраста является главным образом растительным существом. Он только

осматривается вокруг, накопляет первоначальные запасы опыта, приобретает первые неясные представления о времени и месте, о животных, растениях и людях, учится различать между одушевленными и неодушевленными предметами, развивает свои чувства, зрение и слух, вкус и обоняние, осязание и мускульное чувство. Здесь не может быть никакой речи о планомерной деятельности, сознательном самообладании, ясном познании причин и следствий. Память совершенно не развита, слезы сменяются смехом, привычка и подражание — главные душевные свойства. Это период чистой, бесцельной игры, а в играх — подражательность животным и людям, их повадкам. Всякая вынужденная работа в этом возрасте превращается для ребенка в игру, к немалому огорчению иного учителя или иной озабоченной матери-работницы. Планомерное воспитание в этом возрасте связывается с предпосылками, которых еще нет в наших детских группах. Мы привлечем этих детей к нашим послеобеденным рассказываниям сказок, чтениям и играм; они примут участие в наших праздниках и демонстрациях, но главная наша работа будет сосредоточиваться не на них. Для этой возрастной группы пролетариат должен завоевать детские сады и площадки (Spielschulen), а существующие подчинить своему контролю.

6) Главным полем нашей деятельности является детский период в собственном смысле (9 – 12 л.). Нервная система ребенка, его костяк и прочие органы значительно окрепли, его действия являются

не только рефлексами, но уже результатами размышления; в его игру привносится некоторый план, цель; это время организованных игр, целевых игр. Замечается сильное стремление к образованию орд и к отделению полов (поляризация). Дети воспроизводят первобытный общественный строй (игры в разбойников и индейцев). Они избирают вождей, организуют войска, играют ради выигрыша, меряются силами, охвачены пылом путешественников и исследователей, ведут хозяйство в прок и собирают коллекции, соединяют игру и труд в форме огородов и так называемых рукоделий.

Пролетарский ребенок в этом возрасте уже втянут в трудности пролетарского добывания куска хлеба и домашнего хозяйства, изощрен благодаря уличным опасностям, видел и слышал в пролетарских кварталах и наемных казармах многое такое, что „приличный“ буржуа стыдливо прячет от детей. Отчетливо замечаемое в этом возрасте чувство действительности особенно сильно развито у пролетарского ребенка, очень часто за счет творческой фантазии и углубленной пытливости исследователя.

На эти факты необходимо обратить большое внимание в коммунистических детских группах. Вместо круговых игр и танцев, рассказывания сказок, все более и более выдвигаются самостоятельно организованные работы и игры, становится возможным первоначальное ознакомление с действительной, а не сказочно-преображенной, историей рабочего дви-

жения, со страданиями и борьбой пролетариата, с совершаемыми им революциями. Форма, в которой мы это делаем, разумеется, приспособляется к возрасту. Однако, на первом плане стоят состязательные игры и героические рассказы, далее — детский театр, ручные работы, экскурсии, все, связанное с соответственными об'яснениями и участием в собраниях, кампаниях и демонстрациях старших.

в) Около 12 лет становятся заметны, особенно у рано созревающего пролетарского ребенка, признаки пробуждающейся половой зрелости. Ребенок стоит на пороге юношеского возраста. Выступают новые, имеющие серьезнейшее значение для воспитания, моменты. Поляризация полов сменяется робким сближением, которое у мальчиков выражается в щипках и толчках по отношению к девочкам, у девочек — в повышенной настороженности и недоступности, у тех и других — во взаимном кокетстве и даже в небольших мучениях. Половая проблема вступает в поле зрения ребенка и воспитателя.

Но половая проблема не является господствующей. Проблемы „сексуального воспитания" подчинены специфическим особенностям этой возрастной группы: желанию и способности пролетарского ребенка бороться, агитировать, организовать, сознательно и организованно принимать участие в борьбе пролетариата. Теперь ребенок созрел и готов для выполнения определенных обязанностей в самоуправлении его группы, для подготовки и проведения

в качестве умно-взвешивающего бойца намеченной пропаганды и даже длительных кампаний и школьных битв. Наша задача в данном случае — питать боевой дух ребенка, изощрять его наблюдательность, оживлять его активность, приучать его к выносливости, усиливать его стремление к самодеятельности, заботливо подготовлять задания. Руководитель ничего не должен делать сам, все с детьми и, по большей части — через детей. Руководитель должен доставить материал, дать справку, должен натолкнуть и всегда должен сотрудничать. При столкновениях детей с учителями и начальством, руководитель должен показать, что он неустрашимо выступает за свою группу, должен своевременно дать детям указания и, если нужно, охранить их от чрезмерного напряжения сил. Он должен заботиться, чтобы ребенок всегда нашел необходимую в борьбе поддержку в группе, в родительских советах или в партии. Вовлечение этих групп в организации коммунистического юношества, их собрания для особых „вводных курсов“ подготовляют выход из школы и вступление в ряды трудящегося и борющегося пролетариата. Наши праздники окончания школы образуют заключение этого периода и встречу детей в рядах коммунистической молодежи.

VI. Ребенок, как борец.

Пролетарский ребенок на пороге зрелости, пролетарский ребенок на пороге трудовой жизни — это ребенок, вступающий в школе в борьбу с национа-

листическим учителем, вызывающий к жизни школьные советы, это ребенок, сознательно разносящий свою литературу в собраниях взрослых, с сверкающими глазами бросающий в лицо избивающему на демонстрациях шуцману слова: „наступит день отмщения, тогда мы будем судьями". Пролетарский ребенок 12—14 лет хочет больше, чем игр в борьбу и героических рассказов. Он ищет настоящей борьбы и серьезного познания естественных и общественных явлений. Отсюда возникают новые методы работы: возникают те „трудовые общины" занимающихся и дискутирующих детей рабочих, которые, как например, в Гамбурге, пытаются обойтись без руководителей; те детские группы, которые обязаны своим существованием не взрослому или старшему товарищу, но основываются сами собой. Из этой возрастной группы в Суле прозвучал укор: мы хотим работать, а наши старшие товарищи идут танцевать. С этой возрастной группой мы устраиваем серьезные трудовые курсы, посвященные выяснению вопросов о возникновении мира, о первобытной истории, о возникновении классового общества, о богатом и бедном, о капиталисте и пролетарии. Это те юнцы и девочки, которые ведут точные протоколы и доставляют в свои газеты хорошие отчеты, которые придумывают сказки и пишут маленькие политические статьи. Из этой возрастной группы происходят делегаты и ораторы на наших детских конгрессах. Пролетарские дети 13—14 лет самостоятельно организуют помощь Советской

России, интересуются международной корреспонденцией, агитируют у себя дома, вступают в дебаты с строгим господином ректором (школы) и елейным господином пастором. Эти дети просвещают свою мать, толкают вперед своего группового руководителя, расслояют своих школьных товарищей. Словом, на этой возрастной ступени юный пролетарий уже рабочий, боец, — и задача детской группы заключается в том, чтобы охватить и организовать эту борьбу и работу.

Однако, на этой ступени дети еще не взрослые. Их воля к труду и борьбе еще крайне нуждается в руководстве и укреплении. Это совершается не столько путем напоминания со стороны руководителя или помощника (последние часто бывают не много старше детей), сколько благодаря характеру работы и борьбы. Огромное значение имеет установление особых недель борьбы и агитации, ведение длительных кампаний. Если дети предпринимают кампанию в пользу голодающих в Советской России, то сама кампания вынуждает к выдержке и упорному преследованию намеченной цели. Такое же значение имеет подготовка и проведение недели агитации или недели школьной борьбы. Сочинение и испытание какой-нибудь пьесы, совместное, длящееся несколько вечеров, чтение и обсуждение небольшой брошюры, обозначает привычку, выдержку и основательность. Работа здесь является уже связанной, длительной, организационной. Начало обязывает продолжать далее.

VII. Группа, как центр.

Для борьбы в школе, для пропаганды на улице имеет величайшее значение сознание ребенка, что за ним стоит группа. Ребенок еще меньше, чем взрослый пролетарий, может вести свою длительную борьбу в одиночку. Нет никакого смысла говорить ребенку о мужестве и борьбе, не создавая условий, необходимых для борьбы. У ребенка должно быть чувство массы, он должен видеть в своей организации опору. Только как член организации, только полагаясь на солидарность своих товарищей, только под влиянием заражающей массы, царящей в группе, пролетарский ребенок найдет мужество и уверенность, чтобы, вопреки всяческим насмешкам и даже насильственным нападениям, заявить себя коммунистом, противиться реакционному учителю, противоречить попу и учителю истории, отказаться петь шовинистическую песнь или участвовать в шовинистическом школьном празднике. Чем сплоченнее группа, чем она лучше руководится, тем лучше „корпоративный дух“ у детей, тем сильнее новое пролетарское чувство чести и долга, которого нельзя вызвать жестким „ты должен“, которого не следует искусственно взвинчивать: оно постепенно вырастает из ежедневной работы и ежедневного обучения юных товарищей между собой и с их руководителем.

Здесь мы наталкиваемся на затруднение, которое мешает нашей работе. Это затруднение связано с пролетарским классовым положением детей, роди-

телей и групповых руководителей: мы можем подвергать детей нашему прямому влиянию лишь краткое время, в лучшем случае 2—3 дня в неделю, а в эти дни всего несколько часов. Мы считаем большим счастьем, если нам удается, хотя бы раз в течение летних каникул или на рождественские праздники, всецело получить небольшую часть детей в свое распоряжение, выйти с ними в зеленое поле, посетить родственные группы, вместе переночевать, сварить пищу, подробно поговорить о разных вещах или вести пропаганду. Совсем иным было бы влияние, если бы мы могли проводить вместе дни, недели, годы, в горе и радости, в труде, борьбе и отдыхе. Этот недостаток, которого мы не можем устранить в настоящее время, заставляет нас тем напряженнее работать, он принуждает нас организовать группу не как ферейн, но как силовой центр, как источник энергии.

Многие из наших групп не развиваются благодаря усвоенному им характеру мелко-буржуазных ферейнов. Следствием являются непрестанные жалобы на недостаток помощников, недостаток материала, гнетущая забота: что предложить детям? Причина — чаще всего беспомощность, недомыслие руководителя. Нам должно быть ясно: коммунистическая детская группа вовсе не ферейн; она существует не для поучения, не для развлечения своих сочленов. Чем отличается ферейн от боевой организации? Только тем, что ферейн существует для себя и своих сочленов, а боевая организация есть место для духов-

ных упражнений, своего рода арсенал. Дети, которые приходят в нашу группу, приносят с собой тысячи опытов и наблюдений, которые они совершили дома, в школе, на улице, которые мы обсудим и раз'ясним; они унесут новые мысли и выводы, которые затем превратятся в пропаганду и борьбу. Наши групповые руководители очень часто спрашивают о материале. Им нужен материал для чтения, для декламации, для спектакля, для наставления. Мы, разумеется, нуждаемся в печатном и писанном материале. Однако, главный материал находится не в книгах, а в пестрой жизненной действительности, из которой приходят наши дети, и которую только нужно найти и использовать. Искусство группового руководителя заключается в умении развязать языки своих юных друзей, обострить их взор для наблюдения жизни с пролетарской точки зрения. Научить смотреть! Научить слушать! Наши групповые руководители сами нуждаются в этом. В мельчайшем происшествии, во всяком окне, в фигуре и одеянии прохожих, в саду, в грузовике, в вагонах 1 – 4 класса железной дороги, на фабрике, в картине города, словом, повсюду сказывается преимущество богатых, оправдывается классическое замечание библии: кто имеет, тому будет дано и еще. В настоящее время миллионы пролетариев слепо проходят через жизнь. Наши дети должны получить „рентгеновские глаза".

Сверх этого, они должны стать активными, должны использовать замеченное и обсужденное. Не мириться с обстоятельствами, а изменять их. Первый

и последний вопрос, который возникает в детской группе, гласит: что мы можем сделать? как мы должны начинать? При обсуждении вопроса вы будете удивляться изобретательности, практичности, жажде деятельности у детей. Многочисленные примеры свидетельствуют о неудовлетворенности детей, когда перед ними рисуют наблюдения, не делая практических предложений. Они хотят действовать. Учиться и действовать. Знание и борьба сливаются в представлении наших детей.

VIII. Организация группы.

Понимание группы, как центра энергии, указывает нам путь к организации группы. Вопросы организации для нас — вопросы воспитания. Наше воспитание стремится к пробуждению детской активности, следовательно — организация должна служить этой цели. Многие руководители групп пытаются вызывать детскую активность неправильным способом, именно организационным. Они хотят сначала создать схему, а затем влить в нее содержание. Они с напряжением измышляют те или иные функции, проводят выборы делегатов и комиссий. Но дети еще не прочувствовали необходимости подобных функций. Из стремления к подражанию они сначала проделывали все это с воодушевлением, затем группа быстро засыпает и должна быть снова искусственно пробуждена привнесенными со стороны средствами (чтение книг, декламация, музыка, театр для детей, вместо театра через детей). Подобный прием ра-

боты ложен: не организация творит работу, а, наоборот, работа создает организацию. Организация есть не что иное, как разделение труда. В тот момент, когда дети сами — естественно, под влиянием и при содействии помощника — создают свою пропаганду, распространение литературы, свою кассу, свою школьную библиотеку, свои экскурсии, свои ручные работы, свои литературные вечера, свои игры, праздники, торжества и пр., — в этот момент у них возникает потребность разделения труда, происходит назначение должностных лиц и комиссий, сами они делятся на рабочие группы, создают прочный организационный устав, длительную схему, которая им нужна для работы. Задача руководителя — помогать им в этом деле.

В этот момент, однако, группа уже перестает зависеть от уменья или неуменья, педагогического таланта или бездарности руководителя. Она получает, благодаря своей организации, прочный чекан, крепкое деятельное ядро членов, которое оказывается в состоянии быть противовесом неуверенности и колебаниям как среди помощников, так и среди детей. Сильная текучесть детей в некоторых группах доказывает, что эти группы еще устроились как центры проявления энергии самих детей и являются учреждениями для детей. Такое положение мы должны преодолеть. Работающая группа получит, благодаря своей работе, более прочную организацию, создаст здоровую традицию, станет духовной силой для детей, приобретет до известной степени независимость как

от недостатков руководителей и помощников, так и от неустойчивости детей.

Выше мы указали на возрастные ступени детей, отметили их особенности и требовали приспособления к ним наших методов. Это не значит, что дети должны быть строго отделены друг от друга, как в школе. Против этого говорит прежде всего нами же отмеченный факт незаметного перехода одного возрастного периода в другой. Но дети группируются сами собой в бессознательном избирательном средстве. В большинстве случаев у нас имеется слишком мало групповых руководителей, отсутствуют помещения, необходимые для обособленных занятий с каждой возрастной группой. Все же необходимо стремиться к отдельным собраниям более взрослых для вполне определенных целей, будут ли то „трудовые общины", которые совместно читают и обсуждают какое-нибудь сочинение, будут ли то „вводные курсы", которые знакомят с историей земли, живых существ и человеческого общества. Многие вопросы из области полового просвещения должны обсуждаться с этой группой отдельно. Особые собеседования с должностными лицами, работа экскурсионной комиссии, театральной комиссии, подготовка какого-нибудь выступления или учреждения займут преимущественно старших детей. Огромное значение имеют регулярно повторяющиеся собрания всех возрастных групп для определенных начинаний, демонстраций, вербовки работы и игр. Старшие при этом будут учиться, заниматься с младшими и влиять

на них воспитающим образом, а младшие будут подражать примеру старших. Все возрастные ступени почувствуют себя одной общиной.

Чтобы предупредить кружковую оторванность группы от пролетарских детских масс, имеют величайшее значение различные начинания публичного характера; для их осуществления следует вести живую пропаганлу в школе, на улицах, в жилищах. Необходимо попытаться собирать детей различных школ или классов, для общего ли обслуживания школьных дел, или для участия в наших экскурсиях, театральных представлениях, вечерах и т. п. Мы отклоняем однообразие: небольшой значок будет достаточным для удовлетворения детской любви к символике. Наши дети должны понять, что быть пролетарским бойцом значит быть воспитателем, вождем массы. Местная группа не существует отдельно. Она только клеточка окружной, областной, государственной организации, более того, — Коммунистического Интернационала. Этот факт должен постоянно сознаваться ребенком, потому что только великое классовое движение дает местному движению опору и способность действия. Поэтому наша детская газета не должна быть местным листком, она должна быть единым органом для всего государства, еще лучше, всей интернациональной языковой группы. Той же цели — извлечению ребенка из его узкого местного круга, введению в национальное и интернациональное рабочее движение — служит центральное управление, которое является отделением центра

коммунистической юношеской организации, служат также окружные и государственные конференции детей, которые должны принадлежать к постоянным организационным учреждениям детского группового движения. Во всех этих конференциях детей должны принимать участие юношество и партия через своих официальных представителей, чтобы показать, что они стоят позади детей, что они серьезно относятся к борьбе детей, как ни маловажной она может показаться сравнительно с большой политикой, что дети и взрослые составляют одно целое и стремятся к одной и той же цели. Узкая, мелко-буржуазная семейная солидарность расширяется таким образом в классовую солидарность!

IX. Коллектив трудового воспитания.

Активность и организация детей достигается самостоятельной работой детей. Уже в этом положении заключается намек на то, что эта работа может быть только коллективной работой. Пропаганду и пролетарскую классовую борьбу можно вести только коллективно. Наша задача воспитания пролетарских детей для коллективной работы стоит в резком противоречии с методами буржуазной народной школы, которая изолирует учащегося ребенка и противопоставляет его товарищам,— а также в не менее резком противоречии с эгоцентрическими формами буржуазной промышленной жизни, с ее кон-

куренцией отдельных индивидуумов; наше воспитание количественно и качественно обозначает нечто иное, чем буржуазно-реформистское воспитание к услужливости, выносливости и гуманности. Наше воспитание состоит не в красивых уроках морали и возвышенных историй о „хороших людях", но в том, что мы втягиваем детей в планомерную, связанную, организованную работу, что мы их приучаем совместно подготовлять и проводить всякую работу.

Под работой мы понимаем не только ручную работу. И духовная работа должна совершаться коллективно, несмотря на естественную руководящую роль отдельных индивидиуумов, одаренных волей и умом или творческими способностями.

Сюда же относится работа по управлению группой.

После завоевания власти мы положим в основу коллективного трудового воспитания, как теперь в детских домах Советской России, производительную работу. Современная детская группа не есть преодоление или хотя бы дополнение буржуазной школы, она — орудие борьбы и воспитание к борьбе. Из этого факта вытекает, что ручная работа, в смысле обучения ремеслу, для нас стоит на втором плане. Общественно-необходимую работу, как основу коллективистического воспитания, мы не можем вести; обучение ремеслу в смысле эпигонов Фребеля, Кершенштейнера и т. д. мы не считаем подлинно коллективистическим и поэтому не хотим его производить; нам остается только совместная ручная работа, которую мы применяем для убранства наших

помещений, в интересах нашей пропаганды и нашей солидарности (русская и красная помощь) или для усиления наших боевых фондов, т.-е., чтобы получить деньги для газеты, для устройства библиотеки, для поддержки нуждающихся товарищей и групп, для приобретения театральных реквизитов, кукольных сцен и т. п.

В этом смысле ручная работа — значительный воспитательный фактор: уже совместное обсуждение, приготовление, проведение работ воспитывает сильное общественное чувство, взаимопомощь, добровольную дисциплину, разделение труда и трудовую организацию. Очень хорошо, напр., упоминаемое одним групповым руководителем совместное устройство в Суле игрушечной комнаты для нашего русского детского очага. Перед нами средство, при помощи которого мы одновременно можем создать „спокойствие в детской группе“ и воспитывать детей в практической солидарности, в бескорыстной работе для классовых товарищей.

Коллективистический принцип должен господствовать при подготовке и проведении наших художественных вечеров отдыха, наших пропагандистских учреждений и экскурсий. Никаких выскочек, никакого блеска выдающимися талантами, никакого возбуждения индивидуального честолюбия и личного стремления к признанию. Коммунистический групповой руководитель должен чрезвычайно осторожно относиться к этому. Поэтически одаренный юнец,

девушка с ярко выраженным сценическим или декламационным дарованием, — вполне естественны, если они хотят выдвинуться и услышать похвалу. Мы не можем вполне отказаться от их личных услуг. Но центром тяжести наших учреждений должны быть коллективные усилия, совместное пение, хоровая декламация, пьеса с многочисленными действующими лицами, совместное рисование кулис и плакатов, совместное измышление и разработка действия. Наши дети всегда должны иметь чувство совместной работы — не какой нибудь любой совместной работы, но совместной работы в интересах классовой цели, пролетарской классовой борьбы. Это имеет решающее значение. Этим наша педагогика отличается от реформистской. Последняя осталась при коллективном воспитании, мы же повсюду подчиняем коллектив высшим революционным классовым целям.

Групповой руководитель, который, вследствие умственной лени, сам производит подготовку для пропагандистского учреждения, экскурсии, вечера игр, вербовочной недели и т. п., совершает самое тяжкое преступление против революционного принципа нашего воспитания. Ведь мы хотим, чтобы наши дети сами вели свой класс, сами заказывали свою литературу, сами намечали план экскурсий, сами производили техническую подготовку, вычисляли расходы, изыскивали пути финансирования, сами арендовали помещение, разрабатывали программу своих учреждений, сами устраивали билеты, сами сдавали об'явления в партийную печать, сами сговаривались

с художником, сотрудничество которого может понадобиться. Задача группового руководителя при всем этом заключается в незаметном наталкивании, руководстве, поощрении, при случае также облегчении этих детских работ, при чем он все время работает среди своих детей, советуется с ними, действует. Работающий таким образом групповой руководитель никогда не будет жаловаться на недостаток материала для развлечения и наставления детей; наоборот, он должен будет работать с большим напряжением, чтобы быть в состоянии следить за растущей деятельностью детей и не допустить их увлечься второстепенными вещами или сбиться с правильного пути.

При этом он встретит неожиданных помощников в наиболее ярких и развитых детях. Они незаметно вырастут в руководителей и воспитателей младших или менее дисциплинированных. Групповой руководитель должен уметь привлечь их в качестве помощников. Современная педагогика как раз требует, чтобы старшие дети были одновременно воспитателями младших, как это когда-то было естественно в раннем буржуазном домашнем хозяйстве и как это снова возрождается на высокой ступени — в коммунистическом детском доме Советского государства. Там, где группа многочисленна и может быть разделена, старшие и более зрелые школьники очень удобно смогут отчасти замещать группового руководителя, или принимая на себя в играх определенные группы игр, или проводя с маленькими целые

вечера, напр., в чтении, рассказывании,— так что руководитель может, приходя и уходя, присутствовать только краткое время. Такие помощники, из рядов самих детей, должны затем собираться для особых собеседований, при чем руководитель, в непосредственных личных отношениях, может оказывать на каждого из них особенно большое влияние.

В общем наш опыт говорит, что дети в качестве ответственных должностных лиц своей группы работают добросовестнее, чем иной двадцатилетний товарищ, который, благодаря эротическим и вообще душевным кризисам, легко может быть выбит из колеи. Однако, мы не должны забывать, что должностные лица наших групп все-таки дети, на которых не следует возлагать ни очень длительных, ни очень больших работ. Поэтому необходимо, чтобы должностные лица периодически сменялись, благодаря чему дети — к тому же — не получают одностороннего развития, напр., только кассиров, только заведывающих литературой, или же специалистов для экскурсионных, спортивных и игорных предприятий.

Впрочем, на какую организаторскую работу и самодисциплину способны дети, мы видели в Суле, где сотни детей под собственным руководством соблюдали образцовый порядок во время тянувшихся часами прений, при чем требовалось совершенно легкое, едва заметное вмешательство взрослых. Приговор Гамбургской делегации относительно некоторых из ее сочленов (они самовольно удалились и были

исключены из последовавшей каникулярной экскурсии) показывает, как глубоко дети проникнуты чувством своей ответственности. Потребовалось посредничество руководительницы, чтобы смягчить суровый приговор. На этом примере мы видим педагогическое значение детского суда. Он внезапно возник, а затем снова исчез без всяких формальностей. Не как постоянное установление или шутливое подражание существующим государственно-правовым формам в фиктивном „детском государстве“, а как простое средство коллективного самовоспитания. Теперь у нас совершенно ясное понятие о коллективном трудовом воспитании: оно заключается не только в том, что дети делают по возможности всякую работу совместно, будь то в целой группе, будь то в подгруппах и комиссиях, будь то в совершенно случайных и изменчивых группировках для совершенно определенных отдельных работ. Коллективное воспитание состоит также в том, что группа при всяком расчленении составляет единство, что отдельные подгруппы и комиссии органически связаны с пленумом, отчетами, отзывами, отставками, новыми выборами и т. п., что, — как в случае создания упомянутой игрушечной комнаты, когда дети для совместной организации общей работы становились в связь во время ручной работы, — так связаны между собой и отдельные комиссии и рабочие группы. Точно так же теоретические общины (трудовые общины) для дискуссий и чтений не должны приводить к изолированию от остальной группы: их

сочлены должны снова возвратить проработанный научный материал непосредственно группе.

Наш коллективизм не ограничивается детской группой подобно общественному воспитанию некоторых буржуазных школьных реформаторов, ограничивающихся школьнойо бщиной. Цель коммунистической детской группы есть включение новых сил в классовый фронт пролетариата. Детская группа есть частичное движение в общем движении пролетариата; она ставит пролетарское дитя не только в общину детей, но в общину всех пролетариев. Это обозначает: 1) что коммунистическая детская группа должна участвовать в жизни коммунистической партии и прежде всего юношеской организации; 2) что ее пропаганда и ее борьба не ограничивается детским миром, но уже простирается на мир взрослых. Практически это значит: наши дети принимают участие во всех подходящих учреждениях, демонстрациях и действиях партии и юношеской организации, они борются за свое признание, как активный элемент, в великом коллективе борющегося класса.

X. Половая проблема.

В то время как 9-или 10-летний ребенок еще совсем наивно и как бы естественно-научно спрашивал: откуда берутся маленькие дети? теперь вопрос звучит иначе, а именно: почему существуют мальчики и девочки? Почему женщине нужен муж, чтобы иметь

ребенка? Теперь наступает опасный возраст самопросвещения детей.

Фрейдовскую сексуальную теорию можно здесь оставить в покое. Для нас не важно, назовут или нет чувственно-телесное ощущение удовольствия маленького ребенка „половым“; точно также, определенно ли половые явления 7—9-летних детей еще не достигли порога сознания. Только теперь наступают у нормальных детей эрекции мужского члена, поллюции, они замечаются и образуют исходный пункт размышлений и разговоров. У девочек появляются менструации, замечаются душевная неуравновешенность, душевные кризисы.

И в обращении воспитателя с ребенком выступают новые затруднения. Общение получает эротическую окраску. Воспитатель обнаруживает склонность к предпочтению хорошенькой, развитой девочки-помощницы смелому, крепкому юнцу. В детски-наивные ласки привходит трепет чуждых чувств, и воспитатель замечает вдруг, что он не может с некоторыми детьми общаться так же свободно, как с другими.

В наших детских группах, в результате пролетарского классового положения детей и родителей, сексуальная проблема связывается еще с особыми затруднениями. К нам приходят дети, не достаточно хорошо защищенные и не совершенно наивные в половом отношении, часто не совсем нетронутые. Благодаря пролетарским жилищным и жизненным условиям, благодаря недостаточной самодисциплине взрослых, пролетарские дети часто уже „просвещены“,

прежде чем наступила психическая зрелость, прежде чем они в состоянии понять смысл и цель полового акта. И как просвещены пролетарские дети! Не в осторожной и доброжелательной форме, не с целью об'яснить процесс зачатия и рождения, как нечто естественное, любовь между мужчиной и женщиной, как само собой разумеющееся, духовно-чувственное отношение, а благодаря уличным непристойностям, таинственным намекам, которые хуже непристойностей, или благодаря цинической болтовне старших товарищей. Глубоко вкоренилась и уже ребенку внушена лицемерная мелко-буржуазная мораль, которая рассматривает половое общение, как „неприличное" обстоятельство, о котором не говорят, которое прячут во мраке, где половое общение совершенно естественно вырождается или в грубо-животную похоть или в извращенные забавы и жестокости. Как раз эта таинственность и запрет возбуждают детское любопытство; пролетарский ребенок что-то видит, но не вполне; что-то слышит, но не все; чует одну часть, не понимая целого.

К этому присоединяется опустошительная двойственная половая мораль буржуазии, которая для женщины требует целомудрия, для мужчины допускает полную распущенность и которая в женщине видит только собственность, игрушку, сосуд мужчины. Это буржуазное пренебрежение к женщине отражается в дичающей сфере фабричных дворов и задних домов грубейшими истязаниями женщины. Пролетарский

ребенок является свидетелем этих фактов, пролетарская девочка уже в нежном возрасте страдает от пренебрежения к ее полу, тогда как пролетарский мальчик привыкает ко взгляду на девочку, как на существо низшего порядка.

Возможны ли непринужденные и товарищеские отношения пролетарских юношей и девочек, выросших в подобной атмосфере? Отношение пролетария к пролетарке является часто мужской тиранией над домашней рабыней или, если последняя сколько-нибудь способна к защите, отчасти открытой борьбой полов. Больше того. В детских группах часто приходится иметь дело с детьми, которые буквально пришли из вертепов, которые обнаруживают симптомы и следствия полового одичания, которые уже являются жертвами какой-нибудь из многообразных форм детской проституции.

К этому надо прибавить, что наши групповые руководители и руководительницы сами по большей части юные пролетарии и сами происходят из подобных же ям, выросли при таких же условиях. Никто не воспитывал их в половом отношении или, если это случалось, то, конечно, в извращенном мелкобуржуазном христианском направлении. Они сами очень помяты своими собственными внутренними кризисами; лучшие из них борются за свое собственное просветление, за чувствуемую, но еще не ясно представляемую, новую форму отношений к другому полу. Таким образом, проблема полового воспитания

детей сливается у нас с проблемой полового воспитания самих воспитателей. Сексуальная проблема является нам не только своей биологической стороной, но прежде всего общественной: в таком виде нам ее ставит классовое положение пролетариата и буржуазная среда.

Из такой постановки вопроса вытекает наш ответ. Он вытекает не из чисто биологического рассмотрения предмета, как буржуазно-реформистского полового воспитания; он состоит не в чисто психологически-медицинском просвещении относительно полового акта, его целей и его опасности (онанизм и половые болезни), его отношений к другим жизненным функциям; его не нужно восполнять какими бы то ни было, внешним образом пристегнутыми, нравственными наставлениями относительно умеренности, взаимного уважения, временного целомудрия и т. п.; он совершенно не нуждается ни в религиозном, ни в националистическом, ни в расово-теоретическом обосновании...

Нет, вместе с проблемой, которую ставит, общество дает средство для ее решения: пролетарский ребенок, который приближается к зрелости, является одновременно ребенком, приближающимся к пролетарской промышленной жизни, часто косвенно или непосредственно знаком с нею; это ребенок, как выше указано, уже желающий и способный активно бороться. Всякое буржуазное половое воспитание, как бы радикально оно ни замышлялось, не может

дать ничего более полового просвещения и морального наставления. В лучшем случае оно может вырвать из огромной массы горсть детей и на некоторое время поместить в искусственную обстановку (сельские воспитательные очаги и т. п.). Оно может кое-как домогаться общественного совоспитания. Совместное воспитание полов в школе будет до тех пор случайным, пока буржуазная семья с относящимся к ней комплексом воззрений останется жизненной основой для детей.

Буржуазное половое воспитание знает „работу" как отвлечение, как особый вид спорта, а не как фактор, создающий новую форму отношений мужчины и женщины. Только индустриальная работа может иметь такое значение, но, пока она не освобождена из цепей эксплоатации, такую роль выполняет революционная боевая работа. Именно она дает юному пролетарию познание равноценности мужчины и женщины и в то же время необходимости установления новой формы отношений между полами. Революционная боевая работа не только дает молодым рабочим и работницам познание их равного классового пролетарского положения, их одинаковой роли в общественном процессе производства, но сверх этого показывает им идеал общества, в котором мужчина и женщина, юноша и девушка, работают вместе в естественном и непринужденном общении на благо целого и в котором половые отношения не опутаны, не загрязнены и не отравлены эгоистическими инте-

ресами частной собственности. Регулирующим моментом в социалистическом обществе является не метафизическое нравственное учение, не юридический закон, не внешняя благопристойность, но единственно и исключительно неписанный закон пролетарской солидариости, общего стремления к общей цели.

Революционная борьба воспитывает в девушках и юношах,— которые воодушевляются как идеалами и опредеными рамками своей работы, так и связанными с нею опасностями,— толчок к неизвестной до сих пор самодисциплине, не имеющей ничего общего с идеалом буржуазно христианского целомудрия. Только борьба способна совершить чудо, только под ее влиянием из глаз самых заброшенных юных пролетариев исчезает тусклая животная похоть и уступает место блеску одухотворенности. Ибо она творит из тупых пролетариев и пролетарок сознательных боевых товарищей, верных спутников, людей добровольно обуздывающих свои половые страсти вследствие страстного стремления к высшему счастью — освобождения своего класса, освобождения человечества.

Практически все это обозначает для работы в наших детских группах, что мы, нисколько не пренебрегая биологическим, медицинским просвещением, не можем ограничиться им одним. Мы тщательно будем знакомиться со всеми результатами современного знания в области полового вопроса и пользоваться им, поскольку речь идет о действительном

знании, а не о сексуальной философии. Но естественная история человека есть для нас только одна сторона его существа. В соответствии с этим мы не придали естественным явлениям половой жизни всепоглощающего значения, как это делается в некоторых педагогических и юношеских кругах буржуазии. Наше просвещение мы обосновываем не эгоистическим аргументом: сохраняй здоровье! и не националистическими доводами, — но обращением к классовому сознанию, к чувству долга по отношению к классу. Самое же главное заключается в том, что мы решаем весь половой вопрос не отдельно от работы и борьбы наших детских групп и юношеских организаций, но как часть освободительной борьбы. Мы не можем отделить вопроса о здоровой половой жизни от борьбы против буржуазной частной собственности, против буржуазных учреждений (государство, школа, церковь), против искусственного разделения и неодинаковой оценки юношей и девушек. Мы просвещаем детей не только по вопросу о возникновении человека, но одновременно ведем их к завоеванию новой высшей общественной жизни людей.

Мы не знаем, поэтому, особого обучения половому вопросу: половое просвещение для нас только часть введения в познание и овладение природой, половое воспитание только часть введения юного пролетария в его общественную роль классового борца и работника по созиданию социалистического общества.

XI. Кто должен руководить? Партия или юношество?

Коммунистические детские группы подчинены ведению коммунистической юношеской организации. Коммунистическое юношество прежде других поняло задачу детского воспитания во всем ее об'еме и взяло его в свои руки, следовательно, — имеет право приоритета. Это, конечно, ничего еще не говорит относительно соответствия юношеской организации взятой на себя задаче с педагогической точки зрения. В самом деле, не только взрослые товарищи, но кое-где даже дети приходили с жалобами, смысл которых сводится к тому, что молодежь очень мало пригодна к роли руководителей и помощников. Мы уже касались некоторых причин. Молодые товарищи еще сами знают очень мало, но разве взрослые пролетарии знают много больше? Молодые товарищи еще сами ищут и учатся, но какой бы пролетарский воспитатель не делал этого? Молодежь часто не вполне устойчива в нравственно-сексуальном отношении, но устойчивость старших в большинстве случаев только мещанская нравственность и отсталость Единственное возражение, которое кажется заслуживающим внимания, заключается в том, что молодежь еще переживает кризисы духовного и телесного роста и, поэтому, обычно не обладает выдержкой, спокойствием, уравновешенностью, необходимыми для успешного воспитания. Однако, в данном случае речь идет чаще всего об определенной возрастной

группе внутри юношеской организации, именно — о возрастной группе между 17 и 20 годами. В этой возрастной группе эротические и духовные кризисы, а, следовательно, неуравновешенность и колебания молодости, сильнее всего. Если штаб помощников состоит почти исключительно из молодежи этого возраста, может случиться, что в прекрасное воскресенье детская группа окажется без руководителя и помощника, потому что как раз наиболее ревностные помощники отправились на прогулку в экскурсию, или потому, что у группового руководителя имеется любовное дело. Эта опасность тем меньше, чем лучше дисциплина и рабочая традиция в самой юношеской организации и чем больше мы переходим к привлечению руководителей в возрасте свыше 20 лет, а помощников — из старших детей и школьников в первые годы после окончания школы. (Факт, на который прежде всего было указано в Суле).

Защитники системы юных помощников правильно указывают, против притязаний старших, на факт, что в современных условиях только юный пролетарий обладает достаточной эластичностью, жизнерадостностью, духовной и телесной подвижностью для надлежащего отношения к живой детской природе; только он может быть одновременно учителем, руководителем, другом и товарищем детей. Юношество самым радикальным образом порвало с мещанским отношением к морали и школе, а вместе с тем и с привычками „ухода за детьми“. Оно поняло

боевой характер пролетарских детских групп и создало не социалистические или коммунистические воскресные школы, а детское активное движение. Сами дети чувствуют себя в обществе молодежи свободнее, держатся непринужденнее, быстрее эмансипируются, чем при старших, которые лишь с трудом и в исключительных случаях освобождаются от привычных методов опеки и авторитативного обращения.

Таким образом у нас нет никакого основания отказываться от нашей практики. Большинство наших молодых товарищей, а также значительное количество взрослых помощников оказались вполне дельными, дельными в смысле постепенного овладения своими заданиями и все лучшего выполнения своих обязанностей. Доводы, приводимые в пользу предоставления руководства юношеской организации, кажутся нам неопровержимыми: разрыв с опекой над детьми, подвижность и молодость настроения, близкие отношения с детьми, активность детей. Взрослый пролетариат в своей массе, благодаря механизирующему влиянию системы труда, слишком загрубел и закостенел, очень мало подготовлен в педологическом отношении, чтобы взять на себя задачу. Партия не может на ряду с великими политическими и экономическими боевыми задачами уделять достаточно времени и сил воспитательным задачам. Вовсе не случайность, что почти во всех странах партия относится к детским группам сначала равнодушно, затем с недоверием, иногда даже отрицательно. Лишь отдельные взрослые товарищи, обладающие соответ-

ственной одаренностью, вполне схватывают дух и характер детского революционного воспитания.

Практически все это обозначает, что сотрудничество взрослых товарищей очень желательно, но что главное руководство необходимо предоставить юношеству. На обязанности последнего прежде всего лежит установление тесного сотрудничества с коммунистическими учителями, как компетентными советниками, и с коммунистическими родительскими советами. Случайные расхождения в местных организациях между юношами-товарищами и партийными товарищами не должны ни в каком случае обнаруживаться перед детьми к их ущербу. Во всех подобных случаях нужно серьезно искать соглашения, памятуя, что не руководитель и помощник, но пролетарский ребенок является главным лицом в детской группе.

Б. Жизнь в группе.

1. Малютки. Игры и сказки.

С чего начинать с малютками? Этот вопрос часто приходилось слышать в первое время. Существовали две опасности: детская группа могла, вследствие преобладания малюток, получить характер детского очага; наоборот, более взрослые дети могли оказаться вне группы, вследствие крутого недопущения малюток. К первому недостатку естественно склонялись взрослые девушки среди наших помощниц, ко второму — юноши.

Это противоречие понятно. Пролетарская мать серьезно заинтересована в возможности оставить как раз своих малюток на несколько часов в хороших руках, а взрослая помощница вполне понимает это желание озабоченной матери-пролетарки и в то же время заинтересована, чтобы пролетарские дети не передавались на попечение христианской сестры милосердия. Кроме того, многие товарки берутся за работу в детских группах не столько из ясно сознаваемых политических соображений, сколько из инстинкта материнства. Наши же товарищи-юноши,

наоборот, часто односторонне видят в детской группе только предварительную ступень к коммунистической юношеской организации.

На практике необходимо принимать во внимание закономерное требование той и другой стороны. Малютки имеются, матери присылают их: многие старшие дети придут к нам только в том случае, если смогут привести с собою младших братишек и сестренок. С другой стороны, мы не можем превратиться в очаги для малюток, наша главная работа имеет в виду подчинить нашему влиянию старших детей. Что же нам делать? В общем и целом практика уже нашла ответ. На ряду с правильными собраниями более узкого круга наших организованных в группы детей, мы устраиваем по воскресеньям или в свободное послеобеденное время общие игры, прогулки или чтения сказок. Сюда может притти всякий, кто желает, старшие и младшие дети, даже мать с ребенком на руках.

Во время игр на открытом воздухе группировка детей производится сама собой. Старшие дети, особенно мальчики, предпочитают состязательные игры, маленькие устраивают круговые игры. Вопрос о помощниках разрешается легко, привлечением к подобным общим послеобеденным играм некоторого числа товарищей и товарок, которые, не являясь постоянными сотрудниками, имеют свободное время. Как вокруг ядра организованных детей образуется круг неорганизованных, так вокруг сплоченного штаба обученных помощников создается широкое

кольцо случайных помощников и помощниц. Во-вторых, некоторое число помощников мы находим среди самих старших детей, особенно среди девочек, у которых как раз в годы пробуждающейся половой зрелости замечается сильная склонность к материнству. Этих старших детей, при случае, следует собирать для собеседований об их задачах по отношению к младшим. Мы выясняем с ними, с какой стороны нас интересуют малютки, какого характера устраивать для них игры, как нужно обращаться с малютками при разного рода инцидентах (споры, капризы, нездоровье), как следует вплести между играми маленьких басни и сказки, способные оказать влияние в коммунистическом духе. Особенно часто у девочек 12—14 лет встречается тонкая способность придумывать для малюток подобные небольшие басни и сказки, варьировать и восполнять имеющееся, а на ряду с этим — сочинять длинные фантастические рассказы. Групповой руководитель должен незаметно прислушиваться к подобным импровизированным рассказам; он найдет в них кое-какие полезные для себя указания, он сможет кое-где осторожно поставить вопрос, кое-что дополнить или извлечь полезное пролетарское применение.

Вообще мы должны научиться рассказывать истории, те безыскусственные фантастические истории, которые в предкапиталистическое время можно было услышать в крестьянских прядильнях или в жилищах ремесленников. Здесь наиболее просто, а поэтому наиболее ясно, отражается мышление и чувствование

масс. Капитализм со своим разрушением семьи и своим механизированием трудящегося человека уничтожил это старое „народное искусство“ рассказывания сказок. По мере того, как пролетарий приобретает время снова быть человеком и на месте разрушенных старых сооружает новые общины воспитания, он создает новые сказки, в которых отражается его жизнь, борьба и идеалы. Нет никакого смысла жаловаться, что мы не имеем подходящих сказок для наших детей. Профессиональные поэты их не создадут, сказки не возникают у письменного стола. Истинная сказка возникает бессознательно, коллективно, в течение длинных периодов времени, и работа поэта, самое большее, состоит в том, чтобы сгладить и округлить имеющийся материал. Новая пролетарская и индустриальная сказка появится тогда, когда пролетариат создаст место, где сказка будет не читаться и не пересказываться, а создаваться в процессе рассказыванья.

Это положение дает нам указание, как организовать вечера сказок для наших малюток. Не нужно рассказчицы, которая с авансцены говорит сказку перед сотнями детей. Подобные учреждения являются суррогатом: отделение рассказчика от слушателей, большие размеры помещения похищают у сказки ее своеобразную прелесть, прелесть интимного, очарование невыразимого. Сказки подходят к небольшому кругу: рассказчик или рассказчица помещаются среди детской группы, так что вопросы и ответы оживленно перебивают рассказ. Сказка — вовсе не застыв-

ший готовый продукт, преподносимый в законченном виде, — при всяком новом рассказывании она может изменяться, удлиняться, сокращаться, может принимать новые элементы, может самими детьми продолжаться далее. Только в таком виде сказка может повлиять. Прочитанные сказки — только высушенные цветы.

Если сказка должна стать доступной одновременно большому количеству детей, она должна получить плоть и кровь, т.-е. перейти на сцену. „Ради бога, — слышу я восклицание - свет рампы убивает сказку"! Этот возглас вводит нас в проблему детской сцены. Постановки сказок на обычной театральной сцене с электрическим светом рампы, с разрисованными кулисами, с подкрашенными профессионалами-артистами и заученными ролями, разумеется, означают смерть всего сказочного. Но, ведь, мы как раз всего этого не хотим. Наша сцена не отделена искусственно от мест для зрителей. Она совершенно непреднамеренно возникает из сказочного рассказа и из игры в сказки. Посмотрите, как держатся дети, когда действительно хорошо рассказывают. Вот приходит медведь — и уже малютка начинает представлять себя медведем и бурчать. Злой волшебник мучает маленькую девочку — и уже юнец принимает боевую позу, чтобы ее защитить. На этом можно базироваться. Дети — прирожденные актеры. Всякое движение в детской душе стремится выразиться во взгляде, слове, телодвижении. Обратите внимание, как дети декламируют между собою, не для взрос-

лых. Остается лишь небольшой шаг от настоящего рассказывания сказок к драматической игре сказки. А от сказочной игры лишь малый шаг к сценической постановке, для чего не нужны ни кулисы, ни свет рампы, ни грим, так как еще неиспорченная и богатая детская фантазия обильно восполнит все недостающее. Наоборот, именно без кулис и буквально заученных ролей театральная игра становится школой творческого воображения, живой фантазии и непринужденного поведения. Подобные театральные представления старших детей являются сильным притягательным средством для маленьких и стоящих далеко от группы детей, а внутри группы — хорошим воспитательным средством.

II. Герои и героическое в детской группе.

Герои и героические поступки играют в фантазии мальчиков и девочек очень крупную роль. Абстрактное мышление только начинается, вступающий в жизнь ребенок нуждается прежде всего в конкретном представлении. Конкретная, осязаемая фигура героя, героини воплощает для ребенка дремлющие в подсознательной области идеалы. В герое ребенок видит образец, которому он подражает, до которого он, выражаясь словами Карла Либкнехта, хочет подняться. Наша задача заключается в приближении к рабочему ребенку фигур рабочих героев, чтоб он с ними познакомился и как бы постоянно чувствовал их присутствие. При

этом очень важно, чтобы мы показывали их не как случайные, вырванные из связи, отдельные фигуры, а как вождей и передовых бойцов рабочего класса. У нас не существует опасности культа героев в смысле буржуазного почитания героев. Она возможна только при индивидуалистическом воспитании, которое не опирается на коллективную работу, которое не имеет никакой боевой цели. Нам нечего бояться пробуждения непролетарского личного честолюбия, ибо нашими героями как раз являются люди, которым в большинстве чуждо такое честолюбие, и жизнь которых содержит мало привлекательного для честолюбцев. Стремление к славе в наивном детском возрасте так естественно, как у гомеровских героев, и является немаловажным движением для подготовляющихся бойцов. С чрезмерным стремлением к славе отдельных детей легко бороться, воскрешая наряду с отдельными, исторически известными, героическими фигурами борющегося пролетариата также и образцы многочисленных анонимов, которые исполнили свой пролетарский долг, и о которых теперь никто не знает, как их звали, и где гниют их кости. Кроме того, мы не распределяем никаких отличий, похвальных листов, медалей за добродетель, как делает буржуазная школа.

Господствующие классы во все времена умели великолепно использовать на свой лад и в своих интересах наивное тяготение ребенка и народа к героическому и мощному. Все их герои — короли, князья, государственные люди, полководцы, купцы,

капиталисты, даже религиозные герои — увенчиваются на небе и награждаются по-княжески. Очень редко мы встречаем в их галлерее героев также исследователей, художников или путешественников в неизвестных странах; это случается тогда, когда они вошли в состав господствующего класса или (как Колумб, Линвингстон или Свен Гедин) оказали услуги империализму. Христианская церковь создала целую армию „святых“, которые на этом свете были жалки и бедны, подвергались презрению и преследованию, зато на том свете были тем щедрее награждены, тем более возвеличены. Она окружила этих святых бесчисленными сагами и сказками, так называемыми легендами. Несомненно, их власть над душами простого народа покоится еще и в настоящее время отчасти на заражающей силе этих легенд.

Наоборот, всех бунтовщиков против светской или духовной власти, поскольку нельзя было дополнительно извратить их деятельность, сознательно и систематично опорочивали, как ненавистных, лицемерных, низменных, жадных, глупых и сумасшедших; делалось это из классового интереса, ибо тем светлее сиял господствующий класс, который выдвигал столько сильных, мощных, умных, благородных, святых людей. Пользуясь яркой фантазией народа, подымали героическое на степень сверчеловеческого, создавали правильное „почитание героев“, культ героев. Не даром еще теперь преподают историю в народных школах, даже в высших народных школах, как цепь дворянских и буржуазных героических фигур,

начиная с князька бедуинов Авраама и мелкого деспота Давида, вплоть до „старого Фрица [1]) или „благородной страдалицы Луизы“ [2]), „доброго императора Вильгельма“ [3]) и „нашего Бисмарка“. Не даром история реформации кристаллизуется вокруг мелкобуржуазного княжеского слуги Лютера, тогда как личности Спартака и Томаса Мюнцера, даже фигуры великой буржуазной революции, как Дантон, Марат, Робеспьер, обходятся молчанием. Дети пролетариата приучаются рассматривать историю, как дело „великих людей“ и, конечно, не великих людей пролетариата, но знати, буржуазии. Только господствующий класс имеет „прирожденных вождей“, а люди из пролетариата могу быть героями только, как фавориты господствующего класса.

Этому буржуазно-феодальному и христианско-церковному культу героев мы должны противопоставить, если не пролетарский культ героев, то пролетарскую историю героев. Прежде всего необходимо противопоставить великой картинной книге церкви, библии, картинную книгу борющегося пролетариата. Сильное влияние библии на такие крупные

---

[1]) Король прусский Фридрих II (1740 — 1786). *Примеч. переводчика.*

[2]) Королева Луиза (умерла в 1810 г.), жена Фридриха Вильгельма III, прославляется патриотическими прусскими историками, как защитница прусских интересов перед Наполеоном I (свидание в Тильзите в 1807 г.). *Прим. переводчика.*

[3]) Имеется в виду Вильгельм I (умер в 1888 г.), первый император об'единенной Германии. *Прим. переводчика.*

умы, как Гете и Генрих Гейне, зависело не только от гениальности переводчика Лютера, но, прежде всего, от ее характера, как своеобразнейшей „картинной книги“, книги, полной возбуждающих фантазию, вызывающих воодушевление героических фигур. Вспомните в ветхом завете такие фигуры, как Авраам, Моисей, Исаия, Гедеон, Самсон, Иуда Маккавей, или из женских фигур такие, как Дебора и Руфь. Разве у нас менее значительные личности героев? В истории трудящихся классов имеется свой Моисей, свой Самсон, свой Иуда Маккавей, начиная с восстаний рабов древности, крепостных крестьян средневековья и кончая кровопусканиями и фигурами вождей революционного промышленного пролетариата современности.

Характер нашего изложения, однако, существенно отличается от характера изложения буржуазного, феодального и церковного культа героев. В то время, как они предпочитают анекдоты и легенды, следовательно, отрывают своих героев от общественно-исторической связи, представляют их, как отдельных лиц, особо одаренных господом и излучающих на массы чудесную силу, вызывающих удивление и мольбы, от которых пассивно ожидают направления судьбы, прихода которых ждут, как прихода спасителя (как теперь немецкое мещанство ожидает „сильного человека“), — мы помещаем наших героев в пролетарскую классовую среду, показываем, как какой-нибудь Либкнехт или какая-нибудь Роза были только первыми среди многих; как рабочий класс

наряду с известными имеет в своих рядах бесчисленное множество неизвестных героев; как во всякой рабочей мастерской, во всяком городе, рабочие и работницы, пролетарские юноши и пролетарские девушки, имеют повод для проявления героизма, — не пассивного героизма отречения и покорности, единственного вида героизма, допускаемого господствующим классом у эксплоатируемого, но сильного героизма революционной борьбы и пролетарской солидарности.

Но мы не только рассказываем о героизме, мы воспитываем к героизму. Этому воспитанию служат не только первые стычки в школе и свободная пропаганда на улице, но также излюбленные в детском возрасте общественные игры. Очень далекие от подавления старых романтических игр в индейцев и в разбойников, мы, наоборот, будем культивировать их, преобразовывая в борьбу угнетенных против угнетателей. Мы можем их в то же время использовать для введения в историю рабских восстаний (Спартак), колониальных ужасов (героическая борьба индейцев, гереро) современной революционной борьбы. Кажется великолепным предложение положить в основу состязательных игр наших детей сцены из великой крестьянской войны, из нелегальной работы союза Спартака, из походов Красной армии. При подготовке или в связи с подобными играми, искусный руководитель группы воспользуется случаем без школьного педантизма рассказать детям о причинах и историческом ходе этих битв. Воспитательное

значение подобных игр заключается в том, что они обостряют пролетарский революционный инстинкт детей рабочих, делают чрезвычайно ясной необходимость солидарности и добровольной дисциплины, будят жажду знания, и, — что является, может быть, самым важным, — направляют детей от наблюдений и пассивного учения к активности.

При этом мы должны использовать опыты скаутизма. Мы будем приспособляться с детьми к особенностям поверхности, преодолевать препятствия, ориентироваться, наблюдать природу и погоду, упражняться в длительном беге, плавании, разворачивании палаток, варке, санитарной помощи, устройстве примитивных орудий и посуды. Эти игры будут незаметно переходить в театральную игру, возникнет лагерь восставших крестьян или лагерь Красной армии, мы будем рассылать разведчиков, отваживаться на внезапные нападения, брать в плен рыцарей, ставить на суд дрожащую буржуазию и белогвардейцев.

От игры мы переходим к серьезному. Мы не только говорим о героизме, — мы его осуществляем. Заразительная сила скаутизма зависит не только от того, что он возлагает на детей вполне определенные, конкретные обязанности, которые об'единяют практическую жизнь ребенка с его руководящими идеалами. Наш руководящий идеал — пролетарская борьба и пролетарская солидарность. Отсюда следует, что члены коммунистической детской группы принимают на себя обязанность совершенно определенного поведения как в школе, так дома и на улице

(Защита слабых детей против сильных, оказание помощи старым, больным и слабым пролетариям, заступничество за школьных товарищей, обижаемых учителем или другим школьником.) Где бы они ни были, юные товарищи подают пример коммунистического поведения.

III. Экскурсии.

Детские экскурсии занимают широкое место в наших начинаниях, и вполне справедливо, потому что они соответствуют бесконечной потребности видеть мир и радости в телесных усилиях. Однако, до сих пор мы совершенно недостаточно пользовались экскурсиями для воспитания революционной солидарности и инициативы. Не руководитель группы должен составлять план, а дети с его помощью. На стол кладут карту, обсуждают три или четыре возможности: Что можно посмотреть? Сколько будет стоить? И затем, самое главное, какие родственные группы можно посетить? Как пропагандировать по дороге?

Приступают к подготовке. Нужна комиссия для технической подготовки, далее научная комиссия для выработки небольших лекций об особенностях поверхности, использовании почвы, исторических достопримечательностях, хозяйственной и социальной структуре, истории местности и пр. Пропагандистская комиссия заботится о книжках, небольших летучках, газетах для распространения в разных местах, усла-

вливается относительно пропагандистских собраний, о пунктах встречи с родственными группами, добывает знамена и значки и затем пишет отчеты в газету. Таким образом, вся детская группа занята экскурсией, которая является ее общим делом и служит для большой общей цели. Не нужно забывать об общей кассе, чтобы с ее помощью могли участвовать товарищи, не получающие из дому никаких денег, и о санитарной колонне, которая оказывает первую помощь при несчастных случаях, заболеваниях и т. п.

Задачи технической комиссии ясны. Она намечает путь, места отдыха, варки, ночевки; она ведет переговоры с железной дорогой, составляет воззвание к родителям и дает об'явление в газеты. При более крупных экскурсиях (каникулярные многодневные экскурсии) она созывает прежде всего родителей, чтобы обсудить со старшими как план, так и подготовку. Детям техническая комиссия точно указывает, что нужно взять из платья, денег, посуды, предметов питания. Она точно устанавливает, от какого возраста дети могут участвовать, и должна так обставить путешествие, чтобы оно было доступно даже слабым детям. При случае набрасывает два варианта: один для более старших, другой для младших и более слабых детей. Обе группы затем встречаются в определенном месте. Комиссия ведет также переписку с родственными группами относительно ночлега, а в родственных группах комиссия детей заботится о приеме гостей. Ведутся переговоры с экскурсионными

пролетарскими организациями об использовании гостиниц или соответственном руководстве. При всем этом, групповой руководитель будет присутствовать, напоминая, советуя, помогая; но инициатива все время должна оставаться в руках детей, которые являются ответственными перед группой за успех экскурсии. Коммунистический дух будет чувствоваться и в технической комиссии, и в чисто организационных вопросах, напр., при обсуждении вопроса: принимать ли детей, которые не входят в группу, но которых мы можем таким образом привлечь? принимать ли детей, исключенных на некоторое время группой из ее учреждений в виде наказания? как взять товарищей, не вносящих платы за проезд? что сделать, чтобы остающимся больным и слабосильным товарищам доставить радость экскурсии?

Еще естественнее боевая коммунистическая мысль выступает на первый план в экскурсионно-пропагандистской комиссии. Дети не должны, поэтому, длительно работать в одной комиссии, им необходимо менять функции. Пропагандистская комиссия точно устанавливает, где находятся родственные группы, с которыми можно условиться относительно встречи и общих предприятий. С какими местечками и городами мы соприкоснемся, где мы будем при прохождении демонстрировать, или только вести домашнюю агитацию с юными товарищами и маленькими детьми? будет ли возможно во время отдыха, варки, игр на воздухе собрать вокруг нас деревенских детишек и говорить с ними? Конечно, мы не можем тащить

с собой на экскурсию целый тюк газет и книжек но мы можем отправить в определенное место пакет или попросить родственную группу держать для нас материал наготове. Воспитательно-важное значение во всем этом имеет сознание детей, что экскурсия является не только удовольствием, но в то же время боевой задачей и что отношения между отдельными группами должны быть все прочнее и сердечнее. Во время и после экскурсии имеет большое значение организация отчетности: а) дома, перед товарищами, которые оставались на месте, возможно — в совместном заседании детей и родителей; б) для детской газеты; в) для партийного листка. Последнего не следует забывать, потому что детская группа есть часть коммунистического движения; это касается и взрослых. Отчеты могут пополняться рисунками, эскизами ландшафтов (кроки) и т. д.

Работы научной комиссии или комиссии для просвещения, естественно, нуждаются в заботливейшем сотрудничестве руководителя и взрослых помощников. Эта комиссия, естественно, составится из старших детей. Сначала важно развернуть перед детьми весь комплекс вопросов, предложить готовый материал и распределить различные задачи. Конечно, руководитель и его помощники сначала сами набросают план для себя и разработают материал. Когда для них станет ясно, каким образом и в каком об'еме экскурсия может быть использована для обогащения исторических, географических, хозяйственных, есте-

ственно-научных, общественно-научных знаний (не следует сразу брать слишком много и слишком разнообразно), они образуют вместе с детьми комиссии трудовую общину. При этом произойдет следующая беседа: Мы пойдем в Х., горный ландшафт с мощными сосновыми лесами. В долинах небольшие промышленные деревни с прядильнями и ткацкими. В определенном месте огромная запруда для создания электрической энергии. Кроме ткачей, население состоит по большей части из мелких крестьян. Внизу, на низменности, наоборот, находятся большие поместья с гигантскими пашнями, которые обрабатываются рабочими при помощи машин. Важно выяснить все эти различные факты, исследовать причины, создавшие данные экономические и социальные отношения. Почему эти средние и маленькие фабрики взобрались как раз на эти горные долины — вместо того, чтобы расположиться внизу на водных путях и железнодорожных линиях? Почему здесь ткацкие, там шлифовальни стекла? Почему именно здесь расположилось производство шпилек? Подобные вопросы приведут к историческому прошлому местности. Мы расскажем о крепостных ткачах и о восстаниях ткачей. Мы расскажем о крестьянских войнах в конце средних веков, о неистовстве которых еще теперь свидетельствуют разрушенные бурги и монастыри. Мы прочтем отрывки из „Крестьянской войны“ Циммерманна, из „Ткачей“ и „Флориона“—Гергардта Гауптмана. Мы разрушим ложь о так называемой благодетельнице Исполиновых гор — Варваре Утманн.

Так комиссия подготовляет задачу — оказывать на детей во время экскурсии просветительное влияние. Мы проходим мимо прекрасных замков и жалких хижин сельских рабочих; мы изумляемся садам и виллам, модным купаньям и санаториям, и рядом видим нищего калеку, босых, голодных детей, слышим, что даже в горных деревнях распространена чахотка. На сельской улице пыльно и жарко, а прохладный лес со своими душистыми зелеными дорогами обнесен забором; собирать ягоды, собирать грибы, собирать дрова запрещено; пролетариев, делающих это, безжалостно арестовывают, бьют, иногда убивают. Один из детей знает историю Швиловского озера, господина фон-Кэне. — Мы стоим среди старого поля битвы и пользуемся случаем, чтобы разрушить легенду о реформационных войнах, о семилетних войнах, об освободительных войнах, а вместе с ними ложный образ старого Фрица, королевы Луизы, роли Пруссии и ее Гогенцоллернов. Или мы проходим свайные постройки, курганы, кольцевые валы из эпохи кельтов, римские дороги и укрепления, и можем воскресить перед детьми картину древности, картину из каменного или бронзового века, германскую деревню с первобытным коммунизмом и ее марковым строем, незначительные остатки которого сохранились до настоящего времени в так называемых „альмендах“ некоторых общин. Геологически интересные области дадут возможность поговорить о возникновении земной коры, мира растений и животных и сравнить данные современного естествознания с библейскими

сагами о творении. Сколько иной город, даже городок, имеет интересных достопримечательностей, мимо которых пролетарий пробегает, не обращая внимания, напр., архитектура (церкви, ратуши, старые укрепления), резьба и изобразительное искусство, далее минералогические или археологические собрания! В этих случаях для нас важно не только дать нашим детям знания или воспитать их вкус, но познакомить их с культурными условиями прошлого и его социальными основами. Сравнение между старинной водяной или ветряной мельницей и современной мельницей приведет нас к мысли о развитии техники и вызванной тем перестройки хозяйства и общества. Мы можем вести обо всех этих вещах во время экскурсии непринужденные разговоры, устроить в подходящих местах небольшие рефераты или, лучше, предоставить старшим детям нашей комиссии заниматься просвещением своих товарищей.

Найдется дело также для комиссии игр и развлечений. Она с своей стороны будет подготовлять экскурсию. В какие игры играть? Охотничьи игры, хороводы или народные танцы? Не должно быть недостатка в музыке! Вместо бренькающей мандолины мы поставили бы хор добрых флейтистов. Каждый экскурсионный день должен иметь свой кульминационный пункт, когда игры сменяют пропаганду. На исторической почве можно провести исторические игры, напр., бои из крестьянских войн, с историческими лицами. Также битвы начала 19 в. или битвы Каповской авантюры: вооруженные рабочие прогнали

монархических студентов и рейхсвер. Мы проведем оборонительные войны героических индейских или охотничьих племен против жадных и назойливых арабских и европейских работорговцев. Рядом с восстанием рабов Спартака мы положим в основание подвижных игр рассказ о „Хижине дяди Тома". Здесь игра и драматическое представление незаметно переходят друг в друга. Сценическое представление отличается от подвижных игр прикрепленностью к ограниченному месту (естественная или искусственная сцена), более точным приготовлением ролей, более четким разделением на сцены. Во время этих игр открывается широкое поле для изобретательности: возникают новые сказки с пролетарски-революционсодержанием, мы создаем сцены под открытым небом, на лесных лужайках, полянах и между скалами.

Боевая игра органически связана с кругом наших экскурсионных игр. Мы должны ориентироваться в полях, наблюдать погоду и ветер, разбивать палатки и — на подобие австралийских негров или готтентотов — копать ямы для варки и устраивать шалаши. Среди экскурский мы поучимся санитарному делу: если случится несчастие, надо оказать первую помощь, надо унести больных, надо оповестить об опасных местах, надо сделать опыты оживления. Словом, мы — Красная армия в походе. Мы находимся на Украине в борьбе с разбойничьими бандами, мы должны их опередить, иначе они разрушат ценную фабрику или шахту, сожгут хлебный магазин. Мы поставим правильные боевые задания, напр., выясне-

ние расположения белогвардейцев, открытие тайных складов оружия, окружение тайных клубов заговорщиков. Мы поспешим на помощь рабочим, изнемогающим в борьбе с превосходными силами врага. Мы вышколим пролетарских детей для военной работы на службе освободительной борьбы.

Рука об руку с этим идет воспитание в пролетарской солидарности. Старушка тащится с дровами. Моментально наши сильнейшие юноши снимают с нее тяжесть и относят в деревню, хотя бы для этого пришлось сделать круг. Грузовая или крестьянская телега стала, — мы приложим свою руку. Вот идут два батрака-ребенка и тащут тяжелую тележку. Конечно, мы возьмем их в нашу среду, поможем провезти тяжесть, поделимся с ними, чем только можно. На железной дороге, при посадке или вставании, всегда имеется случай оказать помощь пролетариям, обнаружить солидарность. Эта солидарность — чрезвычайно ценный способ пропаганды. Красная советская звезда, которую наши дети носят, есть звезда помощи всем трудящимся и обремененным. Рабочий, всякий сельский поденщик, всякий мелкий крестьянин должен знать, что коммунистическая детская группа не только поет боевые песни и умеет носить красные знамена, но также может работать, помогать. Это положительная сторона боевого настроения.

Воспитание этого духа безусловной солидарности и взаимопомощи составляет одну из наших важнейших задач. Дети сами будут скоро соблюдать строжайшую дисциплину в своих рядах и наказывать каждого,

кто окажется виновным в эгоистическом непролетарском поступке. Странствующие коммунисты резко отличаются от всех „перелетных птиц“ [1]): последние странствуют для своего удовольствия, главное удовольствие странствующих коммунистов заключается в службе своему делу.

IV. Детские статьи, детские письма, детское искусство.

В 10—11 лет, часто уже значительно раньше, у ребенка пробуждается сильная потребность общения. Он хочет высказаться, выразить свою внутреннюю жизнь, которая ему кажется необычайно богатой и важной. В его распоряжении находятся разнообразные средства: язык, письмо, картинное изображение, драматическое представление, музыка и пение. Дети могут часами возбужденно разговаривать о переживаниях, обмениваться своими наблюдениями. В то время, как у малютки выражение ограничивалось долгим распеванием одного и того же стиха, набрасыванием фантастического рисунка или подражанием телодвижениям и выражению животных и людей, теперь воля к выражению у детей получает сознательную цель — бороться за определенную форму. Теперь пишутся небольшие письма и записки от друга к другу, от подруги к подруге. В основу рисунка кладется вполне определенная сказка, вполне

---

1) Wandervögel — экскурсионные организации, чрезвычайно распространенные в Германии. *Примечание переводчика.*

определенный рассказ или обстоятельство. Несколько позднее начинаются известные дневниковые записи периода зрелости. Место детского барабана или детской трубы занимают поиски вполне определенного музыкального инструмента, которым хочется овладеть. Использование этих фактов для наших детских групп в высшей степени важно.

Письмо. В каждой группе имеется протокольная книга. Протоколы тщательно ведутся протоколистом (попеременно), прочитываются, принимаются. При этом дети учатся ясно схватывать содержание своих начинаний и обсуждений и передавать существенное в простых предложениях. Протокольная книга, которая сохраняется в архиве детской группы, и служит для составления годовых отчетов и отчетов перед конференциями, дополняется планомерной отчетностью перед центром детских групп, в детской газете и, время от времени, в партийной газете. Детские отчеты чрезвычайно важны для группового руководительства, для прессы и для центральных учреждений, потому что в отчетах отражается духовный уровень и прогресс движения. К ним присоединяются добровольные случайные сообщения, статьи, стихи, рисунки отдельных детей или отдельных групп. Газета, конечно, не может воспроизводить всего, что присылают дети. Это легко вызывает разочарование. Тем важнее становится устройство стенной газеты, которая составляется каждые 14 дней детской редакционной комиссией, наклеивается и вывешивается в помещении для собраний. Стенная

газета дает детские статьи, известия, стихотворения, рисунки, материалы в оригинале, обсуждает внутренние групповые дела, публикует об'явления и напоминания группового руководительства, комиссий. Чем живее и разнообразнее составляется стенная газета, тем лучше. Соседние детские группы будут обмениваться своими стенными газетами. Содержание служит материалом для обсуждений и критики.

Корреспонденция от группы к группе, как внутри ближайших окрестностей, так из страны в страну, служит укреплению духовной связи, национального и интернационального классового сознания. Дети очень быстро понимают, что эта корреспонденция не есть их частное дело, но дело всей группы, всего движения. Вместо я появляется мы. Мы так думаем, мы вас спрашиваем, мы сделали то-то и то-то, мы посылаем вам привет. Какой освежающей сердечностью, непринужденной наивностью и нежным проникновением в чужую судьбу проникнуты, напр., письма некоторых немецких детских групп, которые вложены в посылки для голодающих, или теперь отправляются в Челябинский детский очаг? И какое сильное переживание вызывает у наших немецких детей письмо из России. Интернационал, до сих пор пустое слово, становится для них чувственно-воспринимаемым и живым. Важно, что эти письма непроизвольно вырастают из воображения детей, почти без всяких указаний со стороны руководителя, и дети при этом, как в сообщениях в свою газету, пользуются собственными словами, говорят именно

то, что их волнует, а не то, что взрослый считает приличным. Этот обмен письмами должен составить прочную традицию наших детских групп.

Художественное творчество детей — вовсе не внешнее декоративное украшение в нашем движении. Художественное выражение, — не что иное, как существенное, сжатое выражение переживаний ребенка. Дело не в том, чтобы научить ребенка срисовывать образцы технически безукоризненно. Это — задача школы. Нам важно побудить ребенка воспроизводить окружающий мир, как он его видит,— как пролетарский ребенок, как юный коммунист. Если кто-нибудь хочет знать, как великие битвы и движения нашего времени отражаются в головах детей рабочих, как близко к гуще жизни взрослых людей стоит рабочий ребенок, он должен только взглянуть на рисунки и стихи наших детей. Растет дороговизна — растет число картин, берущих своей темой голод и лишения. И почти всегда переживание голода изображается как обвинение против богатых. Так ест богач, так — пролетарий; так живет богач, так — рабочий. Перед мясной или булочной стоят голодные дети рабочих, в нее входит толстая буржуазная дама. Когда еще существовало принудительное хозяйство, выступления полиции против спекулянтов и накапливателей продуктов составляли излюбленную тему. У бедной жены рабочего, у ребенка рабочего отнимают бутылку молока, пару фунтов картофеля, а богатый буржуа приказывает привезти к его дому повозку угля и пшеницы.

Полиция гонит с улицы играющих детей рабочих и оставляет в покое подлинных преступников. Когда рабочие организовали дело помощи голодающим в Советской России, и детские группы воодушевленно приняли в нем участие, тогда детские картины стали изображать помощь голодающим, иногда в очень тонких символических формах: русская крестьянская изба и немецкие дети, несущие хлеб, одежду, школьные материалы; или мост, на одной стороне которого русские рабочие, на другой — западно-европейские рабочие спешат с продуктами питания. Учрежденный немецкими и голландскими рабочими детский очаг в Челябинске вдохновил большое количество рисунков и картин, которые изображают новый детский очаг и спасенных русских детей за игрой и танцами. Кампания немецких рабочих за освобождение политических заключенных вызвала многочисленные детские рисунки, предмет которых — арестованный пролетарий, нужда оставшейся семьи. Картины Георга Гросса и других политических рисовальщиков воодушевленно перерисовываются и варьируются. Конечно, жизнь самой группы, столкновения с Sipo [1]), с буржуазной молодежью, демонстрации, сборы пожертвований составляют излюбленную тему для рисунков.

Проще всего и темпераментнее всего высказывались маленькие поэты. Склонность к героизму обна-

---

1) Sipo — первые слоги Sicherheits Polizei — жандармерия. *Примеч. переводчика.*

руживалась здесь очень сильно: хотят бороться, отомстить за павших, призывают прогнать угнетателей, хотят доказать свою принадлежность к коммунистам. Конечно, перенимаются многие фразы распространенной революционной поэзии и агитации в собраниях. Конечно, с эстетической точки зрения стихотворения по большей части являются плохо рифмованной прозой. И в то же время — стремление к концентрированному выражению, совершенно ясно разрешение внутренне скопленного напряжения.

Дети упражняются и в политической сказке, причем обнаруживается, что этот род литературы особенно нравится ребенку. У нас имеются различные совершенно коротенькие басни о животных; их предмет не вполне оригинален, но форма и революционное заострение — дело самих детей. В поэтическом отношении они принадлежат к лучшему, что вообще произвело детское творчество. В связи с сценическими постановками и подвижными играми наших детских групп возникает целая литература сценических произведений, которые, по большей части, являются продуктом коллективной работы. В этом творчестве уже преодолено буржуазное противоречие между художественно-активным индивидуумом и массой, пассивно воспринимающей искусство. Естественно, что форма является, в существенном, результатом работы отдельных художественных дарований, но предмет, указания, отдельные исправления исходят от массы. Во время репетиций пьеса перерабаты-

вается и исправляется, создаются боевые песни и распеваются группой.

Революционная символика также очень нравится детской возрастной группе. Здесь играет некоторую роль унаследованная христианская символика, напр., при изображении пути к коммунизму, как узких ворот, через которые сияет советская звезда. Юный коммунист, опирающийся на стену и дующий в трубу, также является отголоском националистически-военной символики буржуазии. Советская звезда, советское знамя, серп и молот, являются, конечно, излюбленными, но уже истертыми формами выражения. Мы должны культивировать склонность детей к символике. Газета дает для этого повод: можно привлечь детей к изготовлению эскизов, заголовков, заставок к отдельным рубрикам (школьная борьба, из движения, дело помощи), виньеток. При украшении жилища и предметов его обстановки символические изображения могут играть крупную роль. Возможно, чтобы у каждой детской группы был свой символический знак, подобно животным знакам старых тотемистических товариществ или гербовым знакам крупных феодальных родов, или фирменным знакам современных капиталистов. В детском городе „Третий Интернационал“, около Москвы, дети каждого отдельного дома имеют свой особый домовый герб, самые маленькие — ласточку, более взрослые — пчелиный улей или муравья, еще более старшие — книжный свиток, химическую реторту и лиру в прекрасном соединении и пр. Подобные груп-

новые знаки, символизирующие одновременно цель и деятельность группы, имеют воспитательное значение, возбуждают рвение и чувство ответственности у детей, помогают созданию прочной традиции в группе.

Все художественное творчество детей дополняется и связывается театральным спектаклем, для которого требуется поэт, живописец, искусный ремесленник, музыкант. Каждый ребенок — прирожденный актер. Большинство детских игр представляют собою свободные или стилизованные драмы. Мы, взрослые, только должны остерегаться переносить на театральную игру детей традиционные взгляды на правила буржуазного театра. Здесь суть дела в том, чтобы получить правильно построенную пьесу с предписанным развитием действий и характеров. Здесь важно, чтобы дети выразили свое внутреннее переживание словом, мимикой, телодвижением. Нам вовсе не нужно готовых пьес из какой-нибудь книжной лавки, пьес, написанных за письменным столом каким-нибудь более или менее плохим поэтом, с более или менее плохим пониманием, — „для юношества". Существующие сказочные пьесы и по содержанию и по форме непригодны для наших целей. Для нас важно пробудить творческие силы ребенка, чтобы поставить их на службу революционной идее. Театр должен дать ребенку возможность высказаться и в то же время агитационно повлиять на слушателей. Итак, смело приступим вместе с детьми не к созданию произведений искусства, а к составлению про-

стых пьес, которые воспроизводят жизнь и борьбу пролетарских детей или в реалистических тонах или в форме сценической сказки. Дети устроили уличные и домашние сборы для Советской России; они возвращаются домой, горя воодушевлением, переполненные впечатлениями. Этот имел столкновение с городовым; у того был разговор с двумя жирными буржуа; эта девочка рассказывает, как одна старушка дала свою лепту; те трое проникли в комнату господина пастора и поспорили с ним о Советской России. Все на опыте узнали, что на жертвы готовы только рабочие, которые сами мало имеют. Нужно немного искусства, чтобы перенести впечатления детей на бумагу, потому что дети рассказывают не спокойно и описательно, но картинно и драматично. Быстро возникает сцена за сценой, как, например, в Бремене, где они были записаны и на рождество 1921 г. публично поставлены. Школа с дерущимся учителем, с националистическим преподаванием истории и пения, с смело возражающими коммунистами не перестает доставлять все новый материал для сценического воспроизведения. Иенская детская группа прекрасно сумела привлечь к себе общественное внимание и даже привести в возбуждение буржуазную партию в ландтаге реалистическим изображением реакционного преподавания в одной школе. Юноша из Галле драматизировал борьбу Красной армии, создав таким образом свежую пропагандистскую пьесу, а непринужденная живость

детворы, во время исполнения импровизировавшей различные поправки, обеспечивала сценическое влияние. Групповой руководитель должен, конечно, прежде всего освободиться от всякого мещанского артистического честолюбия; у него должно иметься изощренное чутье к будущим поэтическим и актерским талантам и детям с особой одаренностью к декламации. Ни один ребенок сам по себе не возьмет ложного тона в произнесении стихотворения или сценической роли: для этого он слишком вживается в своей предмет. Пусть дети говорят, как им вздумается, и если вы хотите их исправить, читайте им, не навязывая им способа выражения. (О связи между подвижными играми и театральной игрой см. выше — Отдел об экскурсиях и боевых играх).

В связи с нашей сценической игрой, нашими пропагандистскими вечерами, демонстрациями и праздниками, мы развиваем также музыкальные и певческие способности наших детей. Массовое пение — важное воспитательное средство и должно культивироваться систематически. Массовое пение создает массовое заражение, чувство связи, общее приподнятое настроение. В собраниях и конференциях, а также в трудовых общинах и курсах, мы, поэтому, начинаем и кончаем массовым пением, которое создает как бы внешние рамки и нашу работу выделяет из повседневности, концентрирует внимание детей. В Суле выработался удачный прием освежать настроение массовым пением всякий раз, когда дискуссия уто-

мляла, и дети начинали нервничать. Массовое пение действует притягательным образом на детей, стоящих вне группы. Если во время демонстрации происходит какое-нибудь столкновение с городовым или с буржуазным юношеством, массовое пение оказывается лучшим средством восстановить порядок и прекратить бегство и даже панику.

Мы основываем особые музыкальные и певческие хоры, которые должны во время массового пения задавать тон, а во время наших празднеств — радовать хорошо разученными пьесами, во время экскурсий — отгонять усталость. Связь наших художественных упражнений с практически агитационным использованием вызывает у детей любовь к музыке. Ведь, они находятся в возрасте, когда стремятся от игры к работе, от бесцельного к целесообразному. Упражнение, которое необходимо для хорошего выполнения музыкальной вещи, для овладения инструментом, для удачного исполнения пьесы, для выразительной декламации, безразлично индивидуальной или хоровой, — обозначает в то же время воспитание выдержки, напряжения воли. Проводимое, таким образом, художественное воспитание есть в то же время средство коллективного трудового воспитания.

V. Ребенок, как исследователь.

В возрасте от 10 до 14 л. просыпается у ребенка естественно-научный интерес, наступает время коллекционирования и исследования природы. Мы должны

направить этот интерес на путь, который может быть полезным в пролетарской классовой борьбе. Мы должны использовать интерес детей к животным и растениям, чтобы открыть им глаза на жестокую борьбу за существование, которая свирепствует в природе и которую люди преодолеют в социализме (в противоположность перенесению дарвинизма из области биологии на социологию), а также указать на зачатки социального строя и взаимопомощи в мире животных и растений. Необходимо, однако, предостеречь против одностороннего изображения этих „социальных" явлений в животном и растительном мире. Оно может привести к ложной мысли, будто развитие социализма есть „закон природы". Мы должны так же бороться против этого пацифистского и анархистского воззрения, как и против империалистической ссылки на право сильнейшего, которая опирается на естественно-научный дарвинизм. Человек не только естественное существо, он и общественное существо. Созерцание природы должно привести нас к совместному с детьми выяснению различия между царством природы и царством общества. Жестокости природы (например, муха-наездник и гусеница) — прекрасное средство подвергнуть критике христианское учение о небесном отце и мещанско-сантиментальное восхищение природой („мир совершенен повсюду, где нет человека с его мучением"). Так же необходимо исправить христианское учение об отношении человека к природе. Природа существует не ради человека, цель быка не в том,

чтобы быть с'еденными, или цель цветка — доставить лекарство. Типично мещанская оценка с точки зрения полезности основывается на представлении мудрого творца, который создал растения, животных и минералы, чтобы венец создания пользовался ими и эксплоатировал их; капиталист расширяет это представление в том смысле, что творец создал также и пролетариев, чтобы они производили для него, капиталиста, прибавочную стоимость. Этому телеологическому и в то же время теологическому пониманию природы мы должны противопоставить естественно-историческое и материалистическое.

В этом возрасте ребенок уже много занимается метафизическими предметами; эти занятия особенно возбуждаются, благодаря религиозному преподаванию в школе. Существует ли бог? Существует ли загробная жизнь? Что такое смерть? Что такое душа? Это первоначальное занятие философскими вопросами есть первый признак пробуждения сознания личности, проникновения в сознание диалектического противоречия между суб'ектом и об'ектом. Мы должны помочь ребенку и указать ему путь от религиозного и метафизического мышления к материалистическому и диалектическому. Конечно, для это нужно, чтобы сами групповой руководитель и помощники могли уже мыслить материалистически и диалектически. Грубой ошибкой является желание освободить пролетарского ребенка от религиозного мышления заявлениями, что религия — бессмыслица, что попы — обманщики, что бог не

существует. Таким образом, один лозунг заменяется другим, одна вера — другой верой. Ведь, философский атеизм — тоже вера! Так поощряется поверхностное отношение к вопросу, плоская болтовня о предметах, которых не понимают. Не много лучше метод свободомыслящих, которые думают победить религию естественными науками. Ни микроскоп, ни химическая реторта не могут ответить на вопрос о существовании бога. Если земля возникла из солнца, то как возникло солнце? Проблема отодвигается всякий раз несколько дальше, и, в конце концов, прибегают к общим выражениям о бесконечном, сохранении энергии, игре сил, развитии, отношениях и т. п. словам, за которыми, собственно говоря, скрывается все то же загадочное сверхчувственное существо, которого священники окрестили богом. Проблема „бог" не естественно-научная проблема, а общественно-научная. Представление о боге есть рефлекс человеческих производительных отношений, недостатки которых, противоречия и социальные последствия, создали потребность в сверхестественной помощи, воздаянии и восполнении. Господствующие классы искусственно усилили религиозную потребность в трудящихся массах и использовали для своих целей (возникновение касты жрецов, роль церкви). Не имеет смысла, естественно, научно-логически доказывать небытие бога, если в то же время не показывать трудящимся массам выхода из всяческой нужды, горя, забот и случайностей их теперешнего существования, если в то же

время не вызывать активности для борьбы против эксплоатации, против наемной системы и с ней против всех кризисов, войн и источников бедствий капиталистического строя. Когда человек из раба и игрушки своего хозяйства превратится в его господина, тогда исчезнет вместе с религиозной потребностью и религиозная идеология. Атеистическое просвещение само по себе приводит в настоящее время только к разделению пролетариата на различные идеологические группы, выдвигает на первый план культурную борьбу и препятствует сплочению широких масс для классовой борьбы.

Для нашей работы в детских группах это значит: мы не начнем наших бесед о церкви и религии с естественно-научных и философских взглядов на бога и мир, на человека и вселенную; примыкая к повседневным впечатлениям пролетарского ребенка, мы откроем ему глаза на противоречие между учениями церкви о небесном отце и земной действительностью с ее неустроенностью, эксплоатацией, горем и нищетой; далее мы обратим внимание ребенка на противоречие между нравственными заповедями христианства и практикой его представителей. Недостатка в жизненных примерах в данном случае не окажется. Раз ребенок научился критически наблюдать и размышлять, он очень скоро сделает дальнейшее наблюдение, что истинная помощь в нужде и бедствиях приходит не в результате молитвы и пассивного подчинения судьбе, а как плод энергичного движения и борьбы, т.-е. мышление ре-

бенка становится посюсторонним, материалистическим, направленным на активность. Дальнейший шаг вперед приведет к заключению, что эта самопомощь должна быть не индивидуальной, а коллективной, самопомощью пролетарского класса, организованной самопомощью. Естественная нужда ребенка в опоре и помощи превращается в волю к пролетарской классовой борьбе. Познание бесконечной малости и беспомощности отдельного существа, особенно отдельного пролетария в сравнении с неизмеримостью и мощью естественных и общественных „законов", приводит не к религиозной „сокрушенности", не к покаянному чувству зависимости, но совсем наоборот — к энергичному стремлению к об'единению, к организации, планомерной работе, революционной борьбе за социализм. Таким образом, просвещение на счет религии оказывается вопросом не только теории и познания, но существенным вопросом практики коммунистического действия.

В таком смысле должны вестись наши „вводные курсы" к празднику окончания школы, наши „трудовые общины" для старших детей. Анти религиозная пропаганда — не господствующая задача, она фигурирует рядом с введением в историю рабочего движения, рядом с изображением современных классовых и экономических условий, рядом с изображением возникновения земли и живых существ. Важнее всего уяснить ребенку реакционную роль церкви в современном классовом обществе, затем противоречия между христианским пониманием обществен-

ного строя и фактической действительностью (учение о небесном отце). Нужно взять из книги для чтения библейский или религиозный отрывок и сравнить с действительностью. На вопрос, существует ли бог или нет, надо отвечать ясно, без обиняков, что бога нет, что пролетарии, единодушно и энергично ведущие борьбу, очень хорошо обойдутся без бога, но что, в конце-концов, всякий человек должен сам с собой решать этот вопрос. Нужно показать исторически, как возникло представление о боге и как оно в различные времена и у разных народов принимало разные формы в зависимости от хозяйственных, политических и экономических условий. Дети самостоятельно придут к выводу, что этот бог есть только создание человеческой мысли, следовательно, создание человеческого общества и что представление о человеке, как создании бога, совершенно неправильно.

Вводные курсы не должны быть преподаванием, оторванными от жизни и борьбы детской группы; их метод изложения не должен быть систематическим изложением. Всякая дискуссия примыкает к школьным, домашним, уличным впечатлениям ребенка, к сообщениям детей, к известиям, помещенным в газете и т. д. Но через эту кажущуюся беспорядочность учитель должен провести определенный учебный план. Вводные курсы нужно связать с прогулками по городу, по возможности, — с посещением разных предприятий, при чем у детей откроются глаза и они будут в состоянии в мельчайших подробностях

усматривать проявление буржуазного хозяйства (прогулка по универсальному магазину, по рынку, рассматривание разных видов рекламы, — необходимость для рабочего продукт собственного производства покупать в лавке, отделение средств производства от рабочей силы); необходимо осветить условия буржуазного владения (прогулка по кварталу особняков, осмотр высших школ, университетов, сравнение с народными школами), средства сообщения 1-го и 4-го класса (кто имеет, тому дается) и соотношения сил (созерцание каторжных домов, тюрем, полиции, аданий судебных учреждений, казарм).

VI. Газета и библиотека.

Всякая группа должна иметь пункты кристаллизации своей работы. Для внутренней работы и духовной выправки детей подобными пунктам кристаллизации являются газеты и библиотека. Газета не только связывающее средство для всего движения, зеркало, в котором ребенок видит не только местную часть, но совокупность всей детской организации; она также связывающее средство для детей внутри отдельной группы. Всякий знает, с каким нетерпением дети ждут „своей“ газеты. Поэтому выход газеты должен быть аккуратным. Ибо как можно приучить детей к аккуратности, если руководитель детской группы не аккуратен, а с ним центральный орган, газета? Коммунистическая детская газета совершенно в новом смысле детская газета. Это не только газета для детей, но — в соответствии

с нашим основным положением (дитя как об'ект и суб'ект воспитания) — и через детей. Читатели в то же время и соредакторы. Мы не отводим для детей, подобно буржуазным детским газетам, снисходительно особого уголка, но их письма, сообщения, статьи, стихотворения и картинки занимают большое место, помещаются среди статей и рассказов взрослых.

Пунктуально выходящая газета привлекает даже нерадивых и индифферентных детей, по крайней мере, в этот день быть на месте. Бойкая организаторская жизнь кипит вокруг газеты. Отдельные должностные лица должны проверить свои списки, дополнить, получить на свою долю новые дома или улицы, должны пересчитать свои экземпляры. Запоздавшие должны сосчитаться, прежде чем получить новые номера. Одновременно обсуждается, насколько и какими способами можно увеличить распространение в ближайшие дни, можно ли еще принимать подписку, есть ли заявления и т. п. Групповой руководитель использует ближайшее собрание, чтобы узнать, довольны ли дети последним номером, что им больше всего понравилось, на что они жалуются, что им непонятно. Для руководителя, неопытного в методике занятий с детскими группами, газета будет наилучшим исходным пунктом, чтобы поговорить с детьми о разных предметах. Передовая статья, басня, сказка, картинка дают повод к вопросам, к об'яснениям. Ребенок обнаруживает желание выучить на память определенное стихотворение и про-

декламировать, и уже в порядке дня стоит вопрос о начинании дня пропаганды. Другой групповой руководитель побуждает детей высказать в письменной форме свое мнение о газете или об определенном рассказе в ней. Доставляет большое удовольствие чтение часто очень тонких и умных замечаний детей, и редакция может многому из них научиться. Таким образом, газета становится источником духовного оплодотворения, организаторского воспитания, и введением к самостоятельному выражению мыслей.

Подобным же образом влияет библиотека. Уже вопрос о приобретении книг принуждает к организации, размышлению, изобретательности. Библиотека — общее владение, орудие борьбы. Во многих семьях имеются полезные для нас книги. Там они радуют и поучают лишь малый круг лиц. Здесь же они могут принести большую пользу. Дети решают собирать книги для библиотеки у своих родителей и знакомых, а также собирать деньги для приобретения новых книг. Они пишут в издательство или в центральный склад о присылке каталога; получив книги, назначают библиотекаря. Всякий подписчик получает абонемент, всякая выданная книга отмечается в списке. Через несколько дней или недель книга должна быть возвращена. Старшие дети с помощью руководителя знакомятся с собранными книгами, по каталогу, соответственно состоянию кассы, выбирают книги для покупки. Вначале нужно немного. Лучшие книги не выдаются на дом, а предлагаются только для прочтения на месте. Все эти работы де-

лаются самими детьми; хороший групповой руководитель будет лишь подстрекать самодеятельность детей.

VII. Ручная работа в группе.

Финансирование газеты и библиотеки составляет в настоящее время головоломную задачу. Это затруднение мы должны сделать источником новой активности детей, которые могут проявить удивительную изобретательность.

Коллекционеры и исследователи среди детей часто являются большими мастерами. Мы должны, по возможности, поощрять склонность к ручным работам. При этом опасность заключается в превращении детской группы в школу труда, особенно, если руководство находится в руках товарища и товарки, по склонности или профессии увлекающихся ручным трудом. Карл Маркс требует для пролетариата, по крайней мере, учреждения технических школ не в виде ремесленных школ, какие учреждаются теперь государством и частными лицами для учеников, а для ознакомления юных (12-13 лет) рабочих с общественным производством, включая и управление. Современная детская группа не имеет никакой возможности сделать это. Учреждение технических школ, введение в общественное производство, есть требование политической борьбы. Но детская группа использует те же ручные работы, которые в ней возможны, чтобы ввести детей в политическую борьбу.

Выставка детских рисунков и ручных работ в Суле показала, как уже далеко ушли в этом направлении некоторые группы. Выделываются образцовые картонажные и переплетные работы, модели, плетения, столярные и резные работы, разрисованные открытки и продаются в пользу России и красной помощи — или для финансирования нашей газеты и библиотеки, или для какой-нибудь другой боевой цели. При этом следует избегать мещанского вкуса в смысле известного: „украшай твой очаг". Поскольку речь идет о работах рисунков или надписей, они должны служить пропагандистским целям. Для наших праздников и демонстраций нам нужны знамена, древка, плакаты, венки и т. д Делая все это своими силами, мы не только доставляем детям развлечение, но и воспитываем их для организованной самопомощи. Самодеятельно убрать помещения особенно важно, так как лишь собственная работа делает помещение ценным и облегчает воспитание в детях опрятности и внимательного обращения с вещами.

Эта работа дополняется детскими экскурсиями в производства, напр., в партийные типографии и редакции, кооперативные предприятия, а также крупные производства. Детей нужно поставить в такое положение (напр., посещение правления предприятия), чтобы они могли получить представление об организации предприятия. Подобная экскурсия имеет в виду не столько показать детям чудеса техники, хотя и это важно, сколько открыть им глаза на форму современной работы, как эксплоатации (аккорд и

тейлоровская система, фабричная дисциплина и промышленная иерархия).

Наша ручная работа в детской группе отличается от школы рукоделия в трех отношениях: а) все ручные работы служат пропаганде и партийному делу; б) все работы коллективно устраиваются и коллективно использовываются; в) мы берем их за исходный пункт, чтобы ознакомить детей путем экскурсий с общественным производством.

Типично-буржуазная дифференциация работ мальчиков и девочек ограничивается естественными пределами.

VIII. Работа среди взрослых.

Мы часто наталкиваемся на сопротивление взрослых рабочих и пролетарских родителей, ибо нигде пролетарий, даже коммунистически-организованный, не является таким отсталым, как в семье; опасение, что ребенок своей школьной борьбой может навлечь на себя впоследствии неприятности (плохой аттестат), внимание к предрассудкам мещанской и христианской среды мешают многим доверить нам своего ребенка. Это не всегда говорят открыто, приводится множество различных отговорок: „мой ребенок должен помогать в домашней работе, должен быть на посылках, должен делать домашние задачи“. Это обоснованные отговорки. Иногда приходится слышать выпады, которые являются упреками: напр., в детской группе нет порядка, руководители очень молоды, дети становятся наглыми. И, действительно, коммунистиче-

ские дети уже не такие приниженные и безвольные, как хотелось бы иной мещанской семье. Иногда обнаруживается трусость мелкого, задавленного рабочего: могут быть неприятности со школой, с пастором. „Мы ничего не имели бы против, но мы хотели бы сначала конфирмировать ребенка". Иногда выдвигаются нравственные мотивы: „Нам не нравится совместное пребывание мальчиков и девочек", или „ребенок позже сам решит, куда ему итти, он слишком молод".

Эти затруднения со стороны родителей нас не пугают. Наоборот, как подлинные диалектики, мы делаем их исходным пунктом повышенной активности. Пропаганда среди родителей захватывает большое место в нашей групповой работе. Ей служат родительские вечера, устраиваемые самими детьми, на которых они сами, путем ли предложений или в маленьких обращениях, апеллируют к взрослым. Это делается также организованной домашней агитацией. Дети делятся на маленькие группы, каждая из них вместе с более взрослым помощником посещает определенное число семейств школьных товарищей и ровесников, особенно таких, о которых известно, что они бы охотно посещали группу, но им мешают родители. Подготовка и проведение такой домашней агитации имеет величайшую педагогическую ценность. Дети начинают понимать разнообразнейшие домашние условия своих классовых товарищей, они завязывают небольшие разговоры с родителями, они слышат ответы, они слышат слова по-

мощника, они получают при этом возможность заглянуть в озлобленную и отупевшую душу пролетария. И какое торжество, если удается, наконец, получить согласие какой-нибудь матери! какая радость, когда в ближайшее время дети появляются в группе! Здесь одерживаются победы, которые еще долго будут освещать путь нашим детям.

Третья форма пропаганды среди родителей заключается в посещении детьми собраний взрослых товарищей. Они продают там свои газеты и брошюры, они просят слова, чтобы обратить внимание на коммунистическую детскую группу и напомнить родителям их классовый долг. Простое слово из детских уст действует сильнее, чем призыв взрослого председателя собрания. Взрослый пролетариат приучается видеть в своей среде детей.

Пропаганда среди родителей приводит к участию в работе коммунистической партии и юношеской организации. Детские группы должны участвовать не только в наших праздниках и в определенных демонстрациях: имеется работа в бюро, разноска листков и памфлетов; дети воодушевленно выполняют то и другое, если их призовут к этому. Так, дети приняли активное участие в выборах родительских советов в Пруссии. Во время выборов в ландтаг в Брауншвейге дети выполнили плакаты и агитировали за коммунистическую партию. Благодаря такой работе, дети не только знакомятся с идеей коммунизма, они сливаются с коммунистической организа-

цией. Участие детских групп во всех днях юношества, демонстрациях, распространении памфлетов, а также отчасти в собраниях коммунистического юношества, само собой разумеется. Лишь благодаря этому совершается полное вовлечение детей в классовый фронт пролетариата. Такие действия, как красная помощь или помощь России, особенно пригодны для сотрудничества юных товарищей. При этом они должны сами набросать план работы и организовать ее. С самого начала помощь нужно организовать, как длительную кампанию.

IX. Борьба в школе.

Главную область деятельности коммунистических детских групп составляет борьба в школе. Для наших детей школа составляет то же самое, что производство для взрослых рабочих. Здесь место их работы, здесь они образуют компактную массу. Борьба в школе связывается с определенными явлениями. Учитель запрещает ношение советской звезды, но не обращает внимания на националистические знаки. Или учитель требует пения националистических песен, чему противятся наши дети. Телесное наказание создает новый повод. Многие учителя дают детям чувствовать, что они — дети коммунистов: несправедливость раздражает обостренное чувство справедливости ребенка. Существуют учительницы, высмеивающие девочек, освобожденных от уроков закона божия.

Мы пользуемся подобными случаями, чтобы обсудить с нашими детьми способ и средства борьбы

в школе. Главная задача детей заключается в том, чтобы убедить класс в недостойном характере обращения с ними, в реакционном содержании преподавания, пробудить дремлющий классовый инстинкт и вызвать к жизни солидную оппозицию. Это делается двумя способами: а) смелым выступлением одиночек против страшного учительского авторитета; б) тихой и упорной пропагандой среди товарищей по классу за вполне определенные и ясные для детей цели борьбы.

Наши дети уже отчасти выдержали героическую борьбу с дерущимися и националистически-возбуждающими учителями. Своим примером они поколебали авторитет этих учителей и вместе с тем увлекли целый класс на мужественное сопротивление. В отдельных случаях дело дошло до классовых возмущений против дерущихся учителей, которые, в конце концов, сбавляли тон и заявляли, что они — только бедные пролетарии и т. п. Здесь необходимо предупредить чрезмерное напряжение сил ребенка. Случалось, что дети, которые в одиночку отказывались петь националистические песни и за это подверглись наказанию, заявляли руководителю: ты виноват в этом. Это доказывает, что дети не достаточно ясно сознавали цель своего выступления и переоценили свои силы. Конечно, мы желаем, чтобы наши дети и в одиночку вступали в борьбу и не боялись обнаруживать своих взглядов, но мы не должны забывать, что они — дети. Важно, чтобы наши дети

постоянно защищали интересы класса против реакционного учителя, интересы прогрессивного учителя против реакционного школьного начальства, интересы более слабых школьных товарищей против более сильных. Благодаря этому, они приобретут доверие детей массы, станут героями своего класса.

Значительно легче работа там, где наши дети составляют уже фракцию, хотя бы из трех душ. Их самосознание значительно сильнее, влияние на класс больше. Кое-где им удается провести выборы школьного совета, и эти школьные советы добивались у учительской корпорации некоторых облегчений (послеобеденные прогулки, меньше домашних работ).

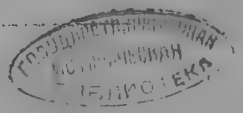
Величайшее значение имеет тщательная подготовка школьной борьбы в самой группе. Дети рассказывают о школе: берется книга для чтения, или книга по арифметике, или рассказ из библии и об'ясняется с коммунистической точки зрения. В классе наши дети встают, задают учителю вопрос и превращают, таким образом, традиционный урок в дискуссию. Если учитель рассказывает о Мартине Лютере, дети спрашивают о Томасе Мюнцере и рассказывают о крестьянской войне. Они не только приводят этим в замешательство учителя, который часто знает не больше того, что написано в его руководстве, но возбуждают любознательность в других детях, которые осведомляются, откуда юные товарищи получили свои знания. Свободные сочинения, которые задаются некоторыми учителями, могут быть использованы для выражения наших взглядов

о разных предметах, состояниях и людях, напр., когда дети пишут о рождественских праздниках или о том, что бы они хотели делать и т. п. Разумеется, групповой руководитель не должен внушать детям статьи, но, конечно, ему следует обсудить тему в детской группе. Если приближается школьный праздник, он должен осветить его значение с революционной точки зрения. Особенно тщательно следует обсудить исчисление простых и сложных процентов, курсов и т. п. предметов, чтобы выяснить их капиталистическую основу. Если, напр., в арифметической задаче встречается рантье, который дает вдове небольшую ссуду на полгода и требует за это проценты, то наши дети в классе заклеймят всю низость этого безупречного, с буржуазной точки зрения, поведения. На уроках закона божия хорошо подготовленные ученики поставят в затруднительное положение преподавателя, и тогда-то проявятся удивительные уступки со стороны теологии современной науке.

Дети могут выполнить важную задачу в школьной борьбе, поддерживая пролетарские родительские советы и свободно настроенных преподавателей. Случай злоупотреблений или реакционной травли необходимо тотчас же сообщить руководителю группы; последним или самими же детьми они будут передаваться дальше родительскому совету, партии, коммунистической фракции городских депутатов или же партийной прессе.

Свободное распространение произведений юных товарищей внутри школы является важной целью борьбы. В случае запрещения, юные дети укажут беспрепятственное и даже пользующееся поддержкой преподавателей распространение христианских и националистических произведений и потребуют равного права для всех. Если „союз Бисмарка" или другой какой-нибудь ферейн делает сообщения на черной доске, то они потребуют такого же права для детской группы. Они потребуют права производить в школе сборы для помощи русским или для красной помощи.

При этом для нас первостепенное значение имеет разрушение оцепенелого учительского авторитета буржуазного преподавателя, борьба против притупляющей системы школьной учебы, встряхивание индифферентных и запуганных детских масс, интенсивная и упорная пропаганда среди них, облегчение извнутри той борьбы, которую извне ведут наши политические органы. Борьба в школе является также подготовкой для наших юных борцов к будущей борьбе в производстве и государстве. При этом мы требуем от наших детей, чтобы они вели себя возможно корректнее, чтобы они выполняли свои задачи, не давая учителю никакого повода для репрессий. Как раз тогда борьба будет протекать наиболее успешно, как раз тогда всякий конфликт будет наиболее ярко обнаруживать реакционный характер современной школы, когда юные коммунисты будут наилучшими учениками.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От издательства 3
Предисловие 4
Вместо предисловия 7

А. Организация группы.

I. Реформистское и коммунистическое воспитание. Наша цель 12
II. Иллюзии и ошибки 17
III. Рабочий-ребенок и рабочий-воспитатель 27
IV. Природа пролетарского ребенка 32
V. Возрастные ступени 35
VI. Ребенок, как борец 39
VII. Группа, как центр 42
VIII. Организация группы 45
IX. Коллектив трудового воспитания 49
X. Половая проблема 56
XI. Кто должен руководить? Партия или юношество? . 64

Б. Жизнь в группе.

I. Малютки. Игры и сказки 68
II. Герои и героическое в детской группе 73
III. Экскурсии 80
IV. Детские статьи, детские письма, детское искусство . 89
V. Ребенок, как исследователь 99
VI. Газеты и библиотека 106
VII. Ручная работа в группе 109
VIII. Работа среди взрослых 111
IX. Борьба в школе 114

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р.К. и К.Д.

„НОВАЯ МОСКВА“

Москва, Кузнецкий Мост, 1. Тел. 69-26. Ленинград, Просп. Володарского, б. Литейный.

Библиотека юного пионера.

1. **Бирбраер.** Работа пионеров. Стр. 41. Цена 12 коп.
2. „ Работа пионеров. 2-е издание. (В печати).
3. **Э. Гернле.** Коммунистическое детское движение.
4. **Смирнов.** Кружок пикоров.
5. **Смолин.** Кружок натуралистов.
6. Радио-станция.
7. Коньки, салазки.
8. Лыжи.
9. Пионер и завод.
10. **Смирнов** Физкультура в отряде.
11. **Стремяков.** Пионерский клуб.
12. **Сборник.** Пионер и до зауч. (Под ред. т. Теремякиной).
13. **Эльбе.** Изучай свой край.
14. Экскурсии.
15. Общественная работа в лагере.
16. Пионер на огороде.
17. **Стремяков.** Памятка юного пионера. 4-е изд. перераб. (В печати).
18. Справочник пионера. (В печати).
19. **Котенко.** Азбука вожатого. (В печати).
20. Пионер дома.
21. Кем бы я хотел быть. (Выбор профессии).
22. Куда интересно сходить. (Музей завод).

РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ.

1. Кузнецкий мост, д. № 1.
2. Неглинный пр., 9. Телефон 69-51.
3. Моховая ул., 24. „ 1-80-61.
4. Арбат, дом № 4 „ 2-47-00.
5. Тверская ул., 66 „Красные Всходы“. Телефон 5-88-79.
6. Тверская, 19, „Московское Театральное Изд-во“. Телеф. 48-72.
7. Бауманский магазин. Елоховская пл., уг. Нижне-Красносельской 17/77. Телефон 2-01-72.
8. Рогожско-Симоновский маг. Таганская пл., 5. Телеф. 1-42-99.
9. Замоскворецкий магазин. Серпуховская пл.

10038

Цена 35 коп.